

СЦЕНА И ЖИЗНЬ

Еженедѣльный, театральный и литературно-художественный иллюстрированный журналъ.

II годъ изданія.

№ 19.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 11-ГО МАЯ.

1908 Г.

СОДЕРЖАНІЕ:

„День жизни“, очеркъ **А. Саксогонской**; „Жизнь“, этюдъ **Л. Мирковича**; „Встрѣча“, стих. **Д. Цензора**; „Бумага—великая вещь“, разсказъ **И. Волховского**; „Сфинксъ“, разск. **Н. Черикова**; „Покровитель“, разск. **В. Финити**; „Достучался“, повѣсть **С. Ратова**; „Загадка“, стих. **Ю. Елецъ**; „Вся чужая“, эскизъ **В. Бло-**

хина; Стихотвореніе—**Е. Бахарева**; „Перевоплощенный“, фельетонъ **М. Попова**; Театральная хроника; „Пѣсня безъ словъ“, стих. **Н. Оржицкаго**; Новости литературы, По Россіи; Рисунки: портретъ **Б. Глаголина**, шаржъ—**„А. Каменскій“**.

ДЕНЬ ЖИЗНИ.

Очеркъ
Анны Саксогонской.

Утро. Тишина жуткая, одинокая. Мутное небо съ грязными волокнами. Льетъ противный, осенній мелкій, но частый дождь. Косая, густая сѣтка заволочла улицу и длинныя, водянные ленты непрерывно скачутъ передъ глазами.

Молчаливая бѣшенная пляска.

За окномъ будто кто-то плачетъ и причитываетъ надъ покойникомъ. Нудно.

Заскрипѣлъ стулъ и грузно опустилось тѣло. Молча пододвинула она ему хлѣбъ, закуску, и ухомъ ловила однотонное чавканье рта.

Она сидѣла, не дотрогиваясь до ѣды и широко недоумѣвающе скользила по предметамъ, на которыхъ были накинута сѣрые контуры погоды.

На душѣ было жутко и смутно.

Она чувствовала не тоску, нѣтъ, а что-то сильнѣе: беспросвѣтно-тяжелое настоящее и безъ признака чего-то яркаго, хорошаго будущее.

Чуялась смерть жизни.

Она перевела глаза на него.

Онъ продолжалъ молча ѣсть. Ротъ его то расширялся такъ, что видна была пища, то закрывался.

Ее начало тошнить.

И злоба мелкая, но острая закипала въ душѣ.

Она опустила глаза и молча вертѣла ложкой.

Упала муха на скатерть; она съ любопытствомъ наблюдала, какъ въ послѣдней агоніи умирало насѣкомое.

Трепетно вздрагивали крылышки, и маленькое черное тѣлице судорожно подергивалось, Онъ кончилъ ѣсть и мятой салфеткой утиралъ ротъ.

Ей сдѣлалось невыносимо.

— „Почему ты молчишь, Петръ?“

Полная тишина, только сухой листъ, упавшій съ цвѣтка, тихо зашуршалъ.

— Вѣдь сойдешь съ ума отъ этой тишины. Наша жизнь проходитъ въ одномъ молчаніи.

Звукъ ея голоса показался ей какимъ-то чуждымъ среди полного безмолвія.

— „О чемъ намъ говорить?“

Внутри у нея что-то заклокотало, тяжело и больно подступило къ горлу.

Она ничего не отвѣтила и нажала кнопку звонка.

Задвигались стулья и послышались удаляющіеся, грузные шаги.

Глухое раздраженіе подымалось внутри. Застучала убираемая посуда и опять все смолкло.

Два человѣка, клявшіеся передъ алтаремъ въ вѣрности, какъ два престушника, были прикованы на всю жизнь къ одной тачкѣ.

Молчаніе было хуже лязга цѣпей.

Она стала, оглянувшись въ недоумѣніи и подумала:

— „Что дальше?“

Всѣ предметы какъ-бы притаились въ молчаніи.

Она взяла книжку журнала и начала читать. Иная жизнь, иныя отношенія.

Да такъ-ли? Развѣ есть эта свѣтлая жизнь, безъ этого хмураго дождя и глубокаго молчанія?

Она встала и начала ходить по комнатѣ. Шаги ея тихо раздавались и шуршали о старый полъ охомъ и стономъ подъ ея ногами, точно она ему причиняла боль.

Думы сбились въ тяжелый комъ и было отъ нихъ смрадно и кружилась голова. Въ молчаливомъ домѣ чувствовалось что-то безобразно-тяжелое, гнетущее.

— „подавать обѣдъ?“

Она встрепенулась живому голосу—будто полоса свѣта легла въ подземелье. Даже движенія ея стали менѣе вялы. Сѣли обѣдать. Зазвенѣли ложки и опять послышалось чавканье жующего рта. Теплый паръ, исходящій отъ супника, казался ей живымъ и она съ наслажденіемъ слѣдила за его граціозными кружевными движеніями.

Но вскорѣ ей надоѣло.

Супъ убрали. Мужъ читаетъ газету.

— „Петръ, брось газету, нельзя-же всю жизнь молчать, я шла на жизнь, но не на молчаніе“. Руки у нея дрожатъ, въ груди бушуетъ гордое, оскорбленное чувство.

— „Чего ты хочешь отъ меня? О чемъ намъ говорить?“

Ротъ его продолжаетъ усердно пережевывать пищу.

— Неужели намъ не о чемъ говорить?

— Есть же у насъ общіе интересы, вѣдь мы съ тобою близкіе люди.

— Ну, спрашивай, я буду отвѣчать.

— Но что-же это за жизнь, пока я не заговорю, ты камнемъ будешь сидѣть. Неужели это тебя не тяготитъ? Вѣдь намъ жизнь прожить надо.

— И проживу.

Она молчала. Въ душу грузно, тяжело вползало чудище и пластомъ налегло на душу.

Встали изъ за стола.

Зазвенѣла посуда. Послышались тяжелые шаги, полъ подъ ними стоналъ и взвизгивалъ.

Тихо... Молчаливо...

Она подошла къ окну.

По небу ползли громады нестройныя, рязныя, разорванныя. Дождь пересталъ, по

улицамъ змѣнились бурные ручьи. Она заинтересовалась улицей.

Вотъ прошелъ пѣшеходъ, попалъ ногой въ лужу, набралъ полный галошъ грязи и быстро, испуганно, точно попалъ на иглу, дернулъ ногою и что-то забормоталъ. „Выругался“, подумала она улыбаясь.

Пробѣжала собака, осторожно перебирая лапами. Проѣхалъ извозчикъ, разбрасывая вокругъ себя брызги. Вотъ пьяный... она съ замираніемъ сердца слѣдила—упадетъ-ли онъ въ лужу или благополучно минетъ опасное мѣсто и громко ахнула, когда тотъ попалъ лицомъ въ жидкую, черную массу.

Надоѣло.

Она вспомнила, что надо написать нѣсколько писемъ друзьямъ, роднымъ. Свѣтлая, яркія фразы появились на бумагѣ. Она лгала своимъ близкимъ о раѣ жизни, о счастья, она скрывалъ подъ ложной гордостью оскорбленное чувство женщины, свою молчаливую, одинокую жизнь.

Смерклось.

Затрепеталъ опаловый огонь лампы, брызнулъ веселымъ потокомъ въ темныя комнаты и зажегъ въ нихъ искру жизни. Будто улыбка пробѣжала по нимъ. Она оглянулась. Свѣтъ. Но въ душѣ у нея тьма и ничѣмъ ее не разгонишь. Чай пить. Заскрипѣли шаги, ахнулъ полъ, зазвенѣла посуда.

Она смотрѣла на свѣтлые, янтарные блики въ стаканѣ и думала: заговорить мнѣ? Нѣтъ, не стоитъ, все равно будетъ нудно.

Молчаніе.

Самоваръ дышалъ тягуче, тяжело, испускающая легкой паръ.

Кончился чай. Застоналъ полъ и шаги глухо пропали въ вечернемъ сумракѣ. Улицы не видно. Послѣднія внѣшнія впечатлѣнія исчезли. Слабый угасающій день умеръ.

Она заломила руки надъ головою: „Что-же дальше?“

Скорбь чувствовалась повсюду. Ей сдѣлалось страшно. Вокругъ все дремало въ глубокомъ молчаніи.

— А за окномъ грустно, протяжно выль вѣтеръ.

И въ темнотѣ сумерекъ она казалось большой, черной и страшной. И ночь стала заползать въ ея душу, такая-же черная, безпросвѣтная, какъ и та, которая глядѣла въ окно. Она усѣлась, потомъ встала и захотѣлось ей вдругъ закричать неудержимо, изступленно, бѣшено. И она пожалѣла, что не животное, не отдающее себѣ отчета въ своихъ поступкахъ. Ей хотѣлось загыть какъ воютъ отъ пытки, но уста были крѣпко сомкнуты молчаніемъ...

Она была юна.

Жизнь не коснулась ея.

И, неся зародыши гордаго чело-
вѣка, она смѣло глядѣла на міръ.
Ея глаза пылали огненнымъ цвѣ-
томъ.

Вокругъ было тихо... Не слыш-
но... ни звуковъ цвѣтовъ, ни зву-
ковъ весны.

Не пестрѣли цвѣты, не улыба-
лась весна.

Тихо...

Жутко—тихо...

А она, юная, чувствовала жизнь,
дыханьемъ своимъ касалась ея.

И гордой ей жизнь казалась.

* * *

Она была юна.

Тихо журчали воды. Неслышно на-
бѣгала волна за волной; воды играя
отражали золотистые лучи солнца.

Онѣ манили къ себѣ:

— Идите сюда, къ намъ, гдѣ
просторъ и раздолье.

И заманили ее къ себѣ.

Засвисталъ тихій вѣтерокъ и
понесся...

Заговорили деревья...

А волны несли... несли...

Но... вотъ бросился къ ней онъ,
разсѣкъ волны... И побѣдилъ.

* * *

— Я тебя люблю, люблю первой
весенней любовью. Люблю.

Запѣли цвѣты. Пѣли невѣдомую
еще никому пѣсню.

— Я тебя люблю, люблю первой
весенней любовью. Люблю.

И поняли они одни пѣсню цвѣтовъ.
И широко взмахнули крыльями...

* * *

— Будь гордъ и смѣлъ. Не про-
си и молча сноси свои проклятія.
Пусть люди не знаютъ. Они не
поймутъ. Будь гордъ...

Но онъ не понялъ ее.

Онъ—слабъ. Онъ чело-вѣкъ.

Надо широко взмахнуть крылья-
ми, надо подняться на необозримую
высоту—и тогда... смѣлымъ станешь.

Онъ робокъ, онъ любитъ землю
Но не разстанется съ ней.

— Ты слабъ. Уйди. Я не хочу
любить тебя... слабого. Я хочу лю-
бить сильнаго, гордаго чело-вѣка.
Уйди!

Но онъ не уходилъ.

Какъ рабъ, онъ шелъ за ней...

Какъ солнце, она освѣщала ему
путь.

— Уйди!

— Нѣтъ, онъ не уйдетъ. Онъ
ее любить.

Любить быть можетъ рабской
любовью.

Но онъ счастливъ.

Онъ не уйдетъ.

— Уйди!

Прошептала она и... полетѣла.

Съ высоты раздался смѣхъ ея,
серебристый, мелкій, точно дождь,
смѣхъ.

И вся природа засмѣялась ти-
хо.. сильнѣе... сильнѣе...

Тихо.. палъ чело-вѣкъ.

Л. Мирковичъ.

Стихотвореніе

ВСТРѢЧА.

Пусть я впервые тебя увидалъ,
Пусть!.. Мы, какъ дѣти, подвластны
судьбѣ.
Въ сумеркахъ жизни я долго блу-
ждалъ
Встрѣтилъ... И понялъ, что солнце
въ тебѣ.
Ты проходила весною дыша
Съ ласкою смѣха во взглядѣ жи-
вомъ.
Сразу тебя угадала душа,

Обликъ твой сталъ неизбежно зна-
комъ.

Тайная власть недосказанныхъ словъ
Душу твою породнила со мной.
Миръ показался мнѣ свѣтель и
новъ...

Тихій и грустный ушелъ я домой.
Тихій и грустный открылъ я тетрадь
И очарованно замеръ надъ ней.
Сердце хотѣло о чемъ-то сказать...
Не было слова для грусти моей.

Дмитрій Цензоръ.

Бумага—великая вещь.

— Что, еще повѣсточку получишь?
— Еще одну...
— Не забываютъ, братъ, тебя креди-
торы...

— Хе-хе-хе... Да... тратятъ денежки...
Хе-хе-хе!..

Кругленькій, маленькій человѣчекъ, съ
замѣтною просѣдью на головѣ, добродушно
захихикалъ и прибавилъ:

— Дурачки...

— За то, что къ мировому-то подаютъ?

— Конечно... Вѣдь, прекрасно знаютъ,
что теперь съ меня столько-же можно полу-
чить, сколько съ турецкаго святого...

— Умно дѣло обставилъ?..

— Комаръ носа не подточить...

— Молодчага ты, я вижу...

Гость съ уваженіемъ и восторгомъ по-
смотрѣлъ на кругленькаго, добродушнаго че-
ловѣка и весело потеръ руки.

— Молодчага! Право, молодчага!..

— Нужда, батенька, научить калачи
ѣсть... Н-да-съ... Вонъ взгляни-ка на го-
лову-то... Давно-ли она темно-русой была?..
А теперь она точно инеемъ покрылась... по-
бѣлѣла... Да-съ... хватила видно заботушки...

— Это что говорить... съ участіемъ
вставилъ гость.

— Нѣтъ, ты еще, Осипъ Никанорычъ,
ничего не знаешь, какъ страдала эта голо-
вушка... И-и-и... Ночей не спала... думала и
думала... Кусокъ въ глотку не лѣзъ...

— Слыхалъ, слыхалъ.

— Да что: слыхалъ! Ты только и слы-
халъ, что былъ купецъ небольшой Лапот-
кинъ и свихнулся... Вотъ, что ты слыхалъ.
А что перенесла моя душа—это никому не-
извѣстно...

— Чужая душа—потемки...—ввернулъ
гость.

— Именно, подтвердилъ и хозяинъ. Такъ
вотъ. Какъ получилъ я первую повѣстку

отъ мирового,—вексельки были все мелконь-
кіе, мировому судѣ подсудны,—такъ и свѣту
Божьяго не взвидѣлъ... Жена моя, Татьяна
Викентьевна, въ слезы ударилась—зали-
вается, а я себѣ и мѣста не найду... При-
детъ ночь, а мнѣ и глазъ не сомкнуть;
дума за думой такъ и несется: что-то те-
перь будетъ?.. Вышелъ я на разборъ дѣла
къ мировому. „Вотъ“,—спрашиваетъ онъ
меня—„вексель!“ „Мой“—отвѣчаю. И до-
вольно. Почиркалъ по бумагѣ и приговоръ
готовъ... „По указу... Присудилъ въ пользу
Торопова триста пятьдесятъ рублей, съ про-
центами и за веденіе дѣла издержками...
Подвергнуть предварительному исполненію“...
А тамъ и пошло, и пошло... Вексель за вексе-
лемъ... Порядочно ихъ было. Были и брон-
зовые... Примѣрно, выданные купцу Нике-
шину... Тоже къ мировому пошли... Хотѣлъ
было я выйти въ судъ и ляпнуть о про-
исхожденіи этихъ векселей да пріятель, спа-
сибо ему, отсовѣтовалъ: „Въ каменный мѣ-
шокъ, что-ли захотѣлъ?..—спрашиваетъ
меня.

— „Ни малѣйшаго желанія“,—отвѣчаю.

— „Ну, такъ и не выходи“. И не вышелъ я.
Были у меня должники-дебиторы, да только
безъ всякихъ векселей и росписокъ, а почти
всѣ на „честное слово“... Когда забирали у
меня товаръ да ссужались деньжонками, то
очень честными мнѣ казались, а какъ по-
шелъ получать съ нихъ, такъ даже руками
отъ неожиданности развелъ и глаза выта-
рацилъ... Да что тутъ вспоминать про этихъ
„честныхъ“ людей! Скажу только одно: по-
куда я охалъ да вздыхалъ, а у меня и ма-
газинъ съ торговъ продали... Да это все еще
ничего... пускай, думаю, подавятся на здо-
ровье, а вотъ что обидно. Ты, поди знаешь
купца Закладова?..

— Это Степана Ларіоновича-то? Еще-бы!

— Такъ вотъ. Стало у него дѣло свое
шататься и потрескивать... Приходитъ ко
мнѣ и говорить: „Другъ, выручи!“.. „Въ

чемъ дѣло?“ спрашиваю. „Давай помѣняемся
векселями... Ты мнѣ дашь на тысячу и я
тебѣ на такую-же сумму... А пройдетъ тя-
желое время, обернусь и рассчитаюсь“...
Чего-жъ, думаю, человѣку не помочь.
„Ладно“—отвѣчаю. „Вотъ-то, спасибо! Те-
перь пошли паренька за бланками въ мѣ-
няльную, я денегъ съ собой не захватилъ“...—
„Сочтемся“—отвѣчаю и послалъ молодца
купить бланокъ... Каково?.. Когда дѣло-то
мое пошатнулось, да начали со всѣхъ сто-
ронъ на меня протестованные векселя сы-
паться, этотъ Закладовъ тоже много не
раздумывалъ... Получаю я однажды повѣстку,
гляжу,—по иску Закладова,—а онъ ужъ въ
ту пору совсѣмъ былъ обанкротившись.—Я
даже руками отъ неожиданности всплеснулъ.
Вотъ такъ гусь!—думаю. Вышелъ къ миро-
вому, хоть посрамлю, думаю; а тамъ вмѣсто
его какой то юркій еврейчикъ. „Вексель эти—
говорить—въ мою полную собственность
перешли“... Я показываю мировому векселя
на Закладова, а онъ меня и спрашиваетъ:
„Почему-же вы не подали встрѣчный искъ?“—
„Не зналъ“... „Незнаніемъ закона отгова-
риваться нельзя... Нужно знать“... Огорчился
я тутъ да и брякнулъ: „Я въ магазинѣ
торговалъ, а въ мировые судьи не гото-
вился“... Повернулся и пошелъ изъ камеры
вонъ и къ рѣшенію не подписался.

— А тому все таки присудили?

— Присудили полностью и съ процен-
тами... Да, что! Прямо заѣли! Въ полгода
голову сѣдиной запорошили.. Д-да. Слушай
дальше. Какъ продали мой магазинъ-то,
а уже поздняя весна наступила, я и махнулъ
на дачу, а то, думаю, чего добраго, и квар-
тирную обстановку опишутъ да продадутъ...
И оказалось вѣрно; сегодня я отмѣтился и
выѣхалъ, а ужъ на завтра и кредиторъ, да
еще кто?. Закладовъ нагрязнулъ вмѣстѣ съ
приставомъ. Дворнику я догадался дать
отмѣтку совсѣмъ не ту, куда я поѣхалъ. Ну,

Закладовъ повертѣлся, понюхалъ и отпра-
вился назадъ ни съ чѣмъ.

— Ловко,—похвалилъ гость.

— Да это еще что?.. Слушай дальше.
Какъ выѣхалъ я за городъ въ безопасное
мѣсто, тутъ и самъ началъ ловить своихъ
должниковъ. Не все-же съ меня получать,
пора и мнѣ съ другихъ. Ни векселей, ни
росписокъ, какъ тебѣ уже извѣстно, у меня
на нихъ не было, такъ я удумалъ слѣ-
дующій фортель; прихвачу, бывало, свидѣ-
теля и являюсь къ должнику. „Такъ и такъ,
Иванъ Матвѣевичъ, за вами долгишко есть
около сотенки рублей... будьте, молъ, добры
поплатиться“...— „Будьте покойны, Капитонъ
Денисовичъ, рассчитаясь, только повреме-
ните немножко“—отвѣчаетъ. А я сейчасъ—
хватъ быка за рога: „Такъ вы, Иванъ Ми-
хайловичъ, признаетесь въ ста рубляхъ
долга?“— „Не отказываюсь“... Попался, ду-
маю, голубчикъ! Теперь не отвертится...
Пишу прошеніе и къ мировому судѣ, молъ,
есть свидѣтель... Выхожу въ означенный
день вмѣстѣ со свидѣтелемъ къ мировому,
а отвѣтника и духа нѣтъ—не вышелъ.
Вызываетъ мировой судья къ столу; „У васъ
есть документы?“—спрашиваетъ. „Нѣтъ...
А вотъ пожалуйста, говорю, свидѣтель“...—
„Въ гражданскомъ искѣ никакихъ свидѣ-
телей не признается“... И резолюцію уже при-
готовилъ: „По указу Его Императорскаго
Величества... въ искѣ отказать... Стою я у
стола, какъ оплеванный, а мировой суесть
мнѣ въ руки палочку и говоритъ: „Распи-
шитесь“... Расписался я и словно въ ка-
комъ-то туманѣ направился было вонъ изъ
камеры, да слышу въ дверяхъ кто-то дер-
гаетъ за рукавъ: „Капитонъ Денисовичъ!
На минуту!.. Обернулся, гляжу передо мной
Максимъ Калистратычъ стоитъ, Замойкинъ.
Знаешь его?..

Гость молча утвердительно кивнулъ го-
ловой.

А кругленькій человѣкъ продолжалъ.

— Ну, такъ вотъ. Поздоровались мы съ
нимъ честь честью, онъ и говоритъ: „Слы-
шалъ, братъ, сейчасъ твое разбирательство...
Младенецъ ты, Капитонъ Денисычъ“!..— „А
что?“— „Да какъ-же такъ безъ документовъ
въ судъ подавать?“..— „А если онъ на „че-
стное слово“ бралъ и при свидѣтелѣ при-
знался?“.. А онъ опять мнѣ:— „Младенецъ
ты и больше ничего!.. Въ судѣ, братъ, твое
„честное слово“—тьфу!.. А бумажка—
сила“...— „Какъ же это такъ?“—Удивился я.
„А вотъ такъ... Впрочемъ, мнѣ сейчасъ не-
досугъ, дѣло мое скоро слушаться будетъ,
а ты вотъ что: иди-ка напротивъ въ трак-
тиръ, закажи чайку и подожди меня, пока-
лякаемъ“... Хорошо. Пошелъ я въ трактиръ,
заказалъ чайку и жду. Черезъ полчаса,
гляжу, переходить дорогу Максимъ Кали-
стратычъ и прямо ко мнѣ. Дда, пропалъ-бы
я совсѣмъ, коли не эта встрѣча... Спасибо
ему, пожалѣлъ меня и научилъ какъ впредь
дѣло нужно вести... Не повѣришь, Осипъ
Никанорычъ, прямо другимъ человѣкомъ
послѣ этой бесѣды изъ трактира вышелъ...

Попрошались мы съ нимъ. „Какъ что слу-
чится—говорить,—непремѣнно ко мнѣ при-
ѣзжай...—раскумекаемъ дѣло“... Золотой че-
ловѣкъ, дай ему Богъ здоровья... Преобра-
зилъ меня совсѣмъ... Приѣзжаю домой на
дачу такой веселый, радостный, а Татьяна
Викентьевна и спрашиваетъ: „Видно, съ
Ивана Михайлова деньги получилъ?“..— „Ка-
кое, говорю, отказали... Да не въ этомъ
дѣло, а вотъ въ чемъ: Подпишись-ка вотъ
къ этой бумажкѣ, а тамъ пойдешь къ ми-
ровому, а дальше и всю обстановку до по-
слѣдняго шкапа опишутъ и продадутъ“...—
Жена даже шарахнулась.— „Да чтой-то ты,
Капитонъ Денисычъ, никакъ хватилъ съ
горя-то, али съ ума спятилъ?“— „Ужъ если
спятилъ,—отвѣчаю,—такъ не съ горя, а съ
радости“... Да долго не канителюсь и объ-
яснилъ женѣ, въ чемъ дѣло-то... А тамъ пріятель
нашелся закадычный... Татьяна Ви-
кентьевна векселей ему надавала, а тотъ
ихъ въ судъ... Дѣло загорѣлось... Опись
назначили и всю мебель и хозяйство наше
съ молотка продали тому-же родственнику—
кредитору... А потомъ взяли это все отъ
него на прокатъ, закрѣпили нотаріально,
чтобъ комаръ носа не подточилъ, а осенью
преспокійнымъ образомъ и въ городъ на
жительство переѣхали. Кредиторы сразу
разнюхали, особенно этотъ пріятель Закла-
довъ и нагрянули... Явились они оравой во
главѣ съ судебнымъ приставомъ въ нашу
квартиру и только что было хотѣли распо-
рядиться, а жена этакъ вѣжливынько при-
ставу и преподноситъ: „Обстановка не моя...
Вотъ по этому документу она вся за мои
долги описана... А вотъ по этому продана...
А вотъ по этому—на прокатъ взята мною...
А такъ, какъ я за каждую вещь отвѣчаю
уголовно, то прошу оставить и меня въ
покоѣ и мебель“... Кредиторы, было, заарта-
чились. „Фиктивно!“—кричатъ.— „Можете
жаловаться, но только вѣдь, это дѣло уго-
ловное, какъ-бы за подобное недоказанное
обвиненіе въ тюрьму не сѣсть“...—это имъ
приставъ-то говорить. Видятъ кредиторы,
что тутъ ужъ ничего не укусишь и отстали..

— Важно!..—захлебываясь отъ восторга,
замѣтилъ гость.

— А иначе какъ же?.. Пропадать?.. Разъ,
если бумага—сила, а честное слово—тьфу!—
то какъ же поступать?.. Ты только то
пойми, что бумага дороже присяги!.. Возьми
ты сто свидѣтелей представъ и всѣмъ при-
сягу дай, а какъ предъявятъ вексель, али
подписной счетъ тамъ, росписку, что-ли—и
всѣ твои присяги на смарку... Бумага—ве-
ликая вещь!.. Да вотъ тебѣ примѣръ. Ча-
стенъко бывалъ я у мировыхъ судей, всего
наслушался. Такой случай былъ. Вызываетъ
мировой къ столу домовладѣльца, который
взыскиваетъ съ квартиранта ни много, ни
мало четыреста рублей. Подходить къ столу
повѣренный домовладѣльца и отвѣтиль,
невзрачный такой господинъ... Прямо диву
даешься, какъ это онъ умудрился задолжать
за квартиру четыре сотни?.. Развѣ на Мор-
ской въ бель-этажѣ ее снималъ... Оказы-

вается—на пескахъ жилъ и въ сорока-руб-
левой квартиркѣ съ готовыми дровами... За
одинъ только мѣсяцъ и задолжалъ, а съ
него, бѣдняги, ахнули искъ по конецъ кон-
тракта... Каково?.. Началъ квартирантъ объ-
яснять, потому, молъ, выѣхалъ, что квартира
оказалась сырая и холодная. „А чего-жъ
вы смотрѣли, когда снимали ее?“—спраши-
ваетъ мировой. „Когда я снималъ, тогда
сырости не было видно; лѣтомъ дѣло было“...
„Значить вы и сырость развели?“ „Отъ
такихъ гнилушекъ дровъ, какъ намъ давали,
не только можно сырость завести, а и грибы
расплодить... У меня свидѣтели есть, что въ
этой квартирѣ захворали моя жена и ребе-
нокъ... И потому я былъ вынужденъ выѣ-
хать изъ этой квартиры... „Свидѣтели здѣсь
не при чемъ... Нужно было-бы вамъ поли-
цейскій протоколъ составить, да отъ доктора,
кто пользовалъ вашу жену, бумагу взять. И
не разсуждая долго—трахъ! „По указу... раз-
обравъ дѣло... присудилъ въ пользу домо-
владѣльца Стрѣлкова четыреста рублей съ
судебными и за веденіе дѣла издержками и
процентами... подвергнувъ предварительному
исполненію“... Каково?.. И за дрова даже
не скинулъ за десять-то мѣсяцевъ... Вѣдь,
квартирантъ-то уже въ квартирѣ не жилъ...
Такъ вотъ она—какая штука-то! Бумага—
великая вещь!.. Будь у квартиранта отъ по-
лиции да отъ доктора по бумагѣ—ну, и дру-
гой разговоръ... А безъ бумаги—тьфу, дѣло...

— Что и говорить. Что вѣрно, то
вѣрно...—поддакнулъ гость.

— Вотъ хоть домовладѣльцевъ взять...
Снимаете квартиру и вамъ такія условія
преподнесутъ, что не 'дыхнуть... Хочешь—
снимай, а не хочешь—ищи другую квартиру...
А куда двинешься, если у всѣхъ домовла-
дѣльцевъ условія, точно списаны другъ у
друга... Ну и бултыхаешься въ омутъ го-
ловой...

Кругленькій хозяинъ сидѣлъ минуту
молча, потомъ снова заговорилъ.

— На всѣхъ узда есть... На булочниковъ,
на мясниковъ, на лавочниковъ, на трактир-
щиковъ... на всѣхъ мелкотравчатыхъ тор-
говцевъ узда надѣта и предѣлъ цѣнамъ и
условіямъ положенъ... А вотъ господа домо-
владѣльцы прямо таки, неприкосновенны...
Сочинять какую захотятъ бумагу;— „Подпи-
сывайся, квартирантъ“!.. А потомъ этой бу-
магой и задавятъ...

— Н-да... Бумага—великая вещь!

— Великая вещь!.. Да вотъ хотя меня
теперь взять?..—Не ущипнешь! Хе, хе, хе!..

И. Волховской.

СФИНКСЪ.

Мы сидѣли втроемъ въ общей залѣ довольно дорогого ресторана: я, пажонъ, только что окончившій Институтъ Инженеровъ Путей Сообщенія (мнѣ очень нравится этотъ полный титулъ), получившій большія подъемныя для поѣздки на изысканія въ Сибирь, со мною два актера, которыхъ я угощалъ. Съ однимъ изъ нихъ я былъ давно знакомъ и даже на ты, но, какъ это произошло, одному только Аллаху извѣстно да разнымъ увеселительнымъ мѣстамъ. Съ другимъ я познакомился только сейчасъ, встрѣтивъ ихъ обоихъ на Невскомъ. Настроеніе, натурально, ве селое, такъ какъ денежки звенѣли въ карманѣ, а, главное, я са-мо-сто-ятельный человекъ: окончилъ и «никакихъ звѣрей» Передъ нами графинчикъ водки, закуски и все, по положенію.

Мой давнишній знакомый, актеръ Залихватскій, сегодня, что называется, въ ударѣ, говоритъ безъ умолку, усердно пьетъ, прищелкивая языкомъ и покачиваясь всѣмъ корпусомъ. Ростомъ онъ съ коломенскую версту, такой же худой и длинный. Другой актеръ, отрекомендовавшійся мнѣ въ качествѣ комика, фамилію его не помню, хотя она будто бы очень извѣстная, составляетъ полную противоположность первому: онъ приземистъ, коренастъ, не говоритъ ни слова и только насасывается водкой съ такимъ трагическимъ видомъ, словно пьетъ самое горькое лекарство, необходимое для спасенія жизни. Впрочемъ, изрѣдка онъ прерываетъ свое упорное молчаніе и изрекаетъ:—«правда, все правда!»—послѣ чего съ еще большимъ остервенѣніемъ пропускаетъ рюмку въ горло. У насъ съ Залихватскимъ разговоръ, само собою разумѣется, идетъ о женщинахъ. О чемъ можно больше говорить въ холостой компаніи, въ особенности въ ресторанѣ? Не толковать же, въ самомъ дѣлѣ, о мостахъ, которые мнѣ достаточно очертѣли въ продолженіе курса. Слава Богу, я теперь получилъ патентъ на свои знанія и доказывать мнѣ ихъ нечего: я постигъ все, что полагается, знаю, кажется, и химію, кое-что изъ геологіи, даже что-то по части законовъ, а, правду сказать, что я знаю, этого никто не вѣдаетъ, даже я самъ, но вы пожалуйста никому не рассказывайте: я проговорился подъ влияніемъ вина, но, на самомъ дѣлѣ, моя ученость выше всякаго сомнѣнія. Однако, о женщинахъ. Я себя считаю великимъ знатокомъ женщинъ. Не даромъ же я ихъ систематически изучалъ и въ Буффѣ, и въ Аполло. Кромѣ того, я былъ знакомъ съ препикантной особой, прислуживавшей въ одномъ кафѣ. Я увлекся ею настолько, что даже говорилъ о женитьбѣ на ней. Товарищи принялись меня спасать. Но я шутилъ, честное слово, шутилъ. Развѣ могъ я на ней жениться? Она кокетничала и дразнила меня. Конечно, это меня изводило. Но жениться, fi done! За кого вы меня принимаете? Теперь она гуляетъ по Невскому. Правда, нѣсколь-

ко обидно, что я ничего не добился у нея, но я самъ этого не хотѣлъ...

— Вотъ женщина,—сказала Залихватскій,—актриса Дарина: чудо въ своемъ родѣ, ты представь себѣ, ей 30 лѣтъ, а злые языки говорятъ съ хвостикомъ, болѣе длиннымъ, чѣмъ трѣнь ея моднаго платья «хоросша, какъ ангелъ небесный, какъ демонъ коварна и зла», нѣтъ, что я вру, совсѣмъ не хороша, но въ ея лицѣ, во всей фигурѣ есть что-то неотразимо привлекательное, что-то такое чистое, ребяческое, чего не встрѣтишь даже у молодыхъ дѣвушекъ; она лихо танцуетъ, пьетъ шампанское бокалъ за бокаломъ и не пьянѣетъ, глаза горятъ, звонко смѣется, движенія порывистыя, вотъ-вотъ, кажется, готова отдаться первому, кто пожелаетъ: приди и возьми! Всѣ сходятъ по ней съ ума, а между тѣмъ, никто не можетъ похвалиться, что знали ее ближе. Она въ пошлой средѣ кулись, гдѣ все дышетъ сладострастьемъ, гдѣ отношенія такъ просты, держитъ себя какой-то царевной-недотрогой. Прямо, загадка. Можетъ быть, это гордость. Говорятъ, она перенесла какое-то сильное горе. А нашъ театральнй докторъ, который все любитъ объяснять съ медицинской точки зрѣнія, утверждаетъ, что она попросту холодная безстрастная натура. Но откуда же тогда такой огонь во всѣхъ ея движеніяхъ? Такая истома въ ея взглядѣ?

— Чепуха!—заявилъ я самымъ авторитетнымъ тономъ:—во-первыхъ, женщинъ старше 25 лѣтъ не бываетъ, въ 30 лѣтъ всѣ онѣ обращаются въ старую истрепанную швабру, во-вторыхъ, она нарочно интересничаетъ, притворяется, грѣшитъ и втихомолочку грѣшитъ за милую душу. Знакомъ меня съ нею, и я выведу ее на чистую воду.

... Неужели я влюбленъ? Никогда подобнаго со мною не бывало. Вчера я вель себя глупѣе глупаго. Я цѣловалъ ея руки такъ, конечно, и слѣдуетъ, но я стоялъ на колѣняхъ и просилъ ее о чемъ то весьма умильно: этого не можетъ быть, и сейчасъ, когда я вспоминаю, краска стыда бросается мнѣ въ лицо.

Я готовъ былъ заплакать. Голосъ у меня, навѣрно, былъ самый жалостный. Чортъ знаетъ что! А какъ третируетъ она меня, совершенно, какъ мальчишку, она даже называетъ меня: мой милый мальчикъ! Это меня-то, инженера, окончившаго по 1-му разряду. А, да ну ее къ черту! Сегодня ѣду въ Буффѣ, увижу тамъ Ниночку и плевать на все!

Какая сегодня Ниночка не интересная, такая вульгарная, хохочетъ она, словно лошадь ржетъ, все цѣпляется руками за мое пальто, поводитъ глазами, какъ мельничное колесо и кромѣ того она, повидимому, не столько интересуется мною, сколько моимъ бумажникомъ. До сихъ поръ я думалъ, что она хоть сколько-нибудь привязана ко мнѣ, а, впрочемъ, всѣ женщины... Мы съ ней даже поссорились... Завтра

поѣду къ Шацкому, тамъ-то выкинемъ номеръ! Три дня нарочно не буду у Дариной, пускай она посмотритъ, какъ великолѣпно я могу безъ нея обойтись.

Трехъ дней не выдержалъ. Только два. Нигдѣ себѣ мѣста не могъ найти, все-таки крѣпился. Наконецъ, рѣшилъ: не все ли равно, буду ли я у нея на день позже или раньше? и поѣхалъ...

Мы съ ней вдвоемъ, какое счастье! Только вдвоемъ въ ея уютномъ душистомъ будуарѣ, она полулежитъ на кушеткѣ, я на скамейкѣ у ея ногъ. Нѣтъ, рѣшительно, я въ ея присутствіи совсѣмъ обалдѣваю и валяю дурака. Какія я ей нѣжныя слова говорилъ, откуда и взялись? Говорилъ между прочимъ какую-то ерунду о своей тоскѣ, о томъ, что меня никто не понимаетъ, что она единственная женщина въ мірѣ, которая могла бы мнѣ дать счастье и еще много въ такомъ же пошломъ родѣ, отъ чего уши вянутъ слушать. Стыдно! Стыдно! А, впрочемъ, даже нестыдно, я на все махнулъ рукой. Ея глаза околдовываютъ меня: глаза Мадонны, чистые, свѣтлые. Да знала-ли она когда-нибудь страсть? Невинная улыбка! А тѣло трепещетъ! Ноздри расширены. Грудь высоко поднимается. И только поцѣлуй руки! я искалъ ея губы.

Она властнымъ движеніемъ отстранила меня.

Я при ней покорень, какъ ягненокъ. Бѣжать, бѣжать отъ нея, чтобы больше къ ней не возвращаться!

Я бываю у нея каждый вечеръ, послѣ спектакля; я пробовалъ пропускать день, но это была сплошная мука. Меня неудержимо тянетъ къ ней. Низкая интригантка! она ведетъ игру со мной. Она завлекла меня въ свои сѣти, ничего не даетъ мнѣ, только терзаетъ и радуется своей побѣдѣ, своей власти надо мной. О, коварная женщина! Я не люблю ее. Развѣ это любовь? Любви вѣдь нѣтъ на свѣтѣ. А если и бываетъ, то не такая мучительная. Мнѣ давно пора быть на мѣстѣ. Конечно: завтра я ѣду.

Прошло еще двѣ недѣли.

Каждый день я бывалъ у нея. Она меня сама гонитъ. Надо же, наконецъ, ѣхать. Она общала:—мы будемъ переписываться, скоро увидимся,—иначе я съ нею не могъ бы разстаться. Послѣдняя минута.—Скажи мнѣ, наконецъ, кто ты, безчувственная статуя, сирена, губящая людей? или ты женщина съ сердцемъ и кровью?—На прощанье я поцѣлюю тебя, сказала она мнѣ. Что это былъ за поцѣлуй! бѣшенная страсть, долгій, крѣпкій до боли,—я опьянѣлъ...

— Такъ ты любишь меня?—спрашивалъ я ее—Нѣтъ, нѣтъ, уходи!—Еще одинъ поцѣлуй!

— Нѣтъ!—Одинъ только!..—Мы разстались...

Черезъ полгода я получилъ коротенькое письмо: «Сохраните обо мнѣ хорошее воспоминаніе, Я не хочу пошлой прозы. Любите меня. Ваша». Николай Чериковъ.

ПОКРОВИТЕЛЬ.

(Продолжение).

Занавѣсъ уже былъ поднятъ, когда Елизавета Дмитріевна входила съ Терехинымъ во взятую имъ ложу.

Терехинъ былъ одѣтъ въ безукоризненную фракную пару. Тщательно расчесанный англійскій проборъ немного облагораживалъ его чисто „апраксинское“ лицо. Толстая золотая цѣпочка часовъ съ нѣсколькими жетонами внушительно побрякивала на его солидномъ брюшкѣ. Къ борту фрака былъ пристегнутъ никогда не надѣваемый имъ монокль.

Елизавета Дмитріевна была одѣта хотя и въ модное, но скромное черное платье, кокетливо облежавшее ея прелестную фигуру настолько, что давало мѣсто одному только воображенію, и потому дѣлало ее еще интереснѣй. Ея роскошныя волосы, собранныя въ греческій узелъ, придали ея лицу классическую строгость. Легкій румянецъ смущенія скрашивалъ немного испуганное выраженіе. Единственнымъ украшеніемъ было висѣвшее на тоненькой золотой цѣпочкѣ на груди золотое съ черной эмалью сердечко, обсыпанное небольшими брилліантами.

Немного зажмурившись отъ непріятнаго свѣта рефлектора, направленнаго на пѣвшую на сценѣ примадонну, Елизавета Дмитріевна сѣла на подвинутое Терехинымъ кресло и стала слушать оперетку.

Черезъ нѣсколько секундъ она увлеклась. Ее занималъ не сюжетъ, который былъ несложенъ, а пѣніе. Чутко прислушивалась она къ каждой спѣтой фразѣ, ловила отѣнки голоса и ей казалось, что она могла бы спѣть лучше, что даже ея подруги съ болѣе слабыми голосами, чѣмъ ея, спѣли-бы не такъ посредственно. Елизавета Дмитріевна воочію стала убѣждаться въ томъ, что дѣйствительно здѣсь не въ голосѣ—сила.

Лирская до того увлеклась своей критической оцѣнкой голосовъ артистокъ, исполнявшихъ оперетку, что не замѣчала, какъ Терехинъ съ полнымъ сознаниемъ своего достоинства раскланивался съ сидящей въ сосѣдней ложѣ цѣлой сворой молодыхъ людей, окружавшихъ шикарно одѣтую въ роскошное какого то неопредѣленнаго цвѣта платье красивую брюнетку, сіявшую цѣлой витриной ювелирнаго магазина. Брюнетка отвѣтила кивкомъ и задорной улыбкой на поклонъ Терехина и, замѣтивъ его спутницу, сдѣлала чисто парижскій жестъ рукой, какой обыкновенно дѣлаютъ чистыя парижанки при произнесеніи своего непередаваемаго „Tiens“. Молодые люди, увидѣвъ Елизавету Дмитріевну, тоже пришли въ какой-то особенный восторгъ. Они подмигивали Терехину, взглядами спрашивая его, кто сія незнакомка; поправляли невольно галстуки, двигали стульями, чтобы обратить на себя вниманіе, но, подмѣтивъ брошенный на нихъ ироническій взглядъ брюнетки, быстро пришли въ себя и перевели восторженные взгляды на свою спутницу.

— „Поджали хвосты“? буркнулъ имъ Терехинъ, немного задѣтый ихъ нахальствомъ.

Апеллодисменты и громкіе вызовы при опусканіи занавѣса заставили очнуться Елизавету Дмитріевну. Этотъ шумъ и внезапно вспыхнувшій сильный свѣтъ электрической люстры въ куполѣ зала непріятно подѣйствовалъ на нее, и она вся вздрогнула. Зрительный залъ заволновался. Одни выходили въ фойе, другіе, приподнявшись на своихъ мѣстахъ, разглядывали проходящихъ. Первый и второй ряды партера, перекочевавъ къ барьеру оркестра и вооружившись маленькими биноклями, моноклями и пенснэ, заглядывали, перекидываясь между собой замѣчаніями о сидящихъ въ ложахъ дамахъ, съ такимъ видомъ, какъ будто это было ихъ неотъемлемымъ правомъ.

Терехинъ чуть ли не въ пятидесятый разъ кивалъ головой, раскланиваясь и ствѣчая на поклоны. Всѣ почти его знакомые, раскланившись съ нимъ, переводили удивленный взглядъ на Елизавету Дмитріевну, оставаясь въ восторгѣ отъ нея, кивали шутливо головой Терехину, какъ бы посылая ему поздравленія.

Елизавета Дмитріевна не могла не замѣтить этихъ взглядовъ и кивковъ и, чтобы не видѣть ихъ, обернулась къ Терехину.

— „У васъ тутъ весь театръ, кажется, знакомъ“, спросила она его.

— „Все нужные люди, а есть и такіе, которымъ я нуженъ, самодовольно отвѣтилъ онъ. „И вамъ не мѣшаетъ приобрѣсти нѣсколько знакомствъ. Люди, какіе они ни на есть, а всетаки безъ нихъ прожить нельзя. Не хотители пройти въ фойе“? предложилъ онъ.

— „Нѣтъ. Благодарю васъ“, отказалась Елизавета Дмитріевна зная, что въ фойе она не только увидитъ противные ей кивки, но можетъ услышать и разныя замѣчанія „Вы пожалуйста идите, съ вами многіе, навѣрно, жадуютъ поговорить и удостоиться чести пожать вашу руку“, смѣясь докончила она.

Терехинъ, улыбаясь, всталъ и пообѣщавъ скоро вернуться, вышелъ изъ ложи. Елизавета Дмитріевна быстро перешла въ аванъ-ложу и задернувъ занавѣски, опустилась въ кресло.

Терехина, едва онъ вышелъ изъ ложи, окружило нѣсколько мужчинъ, также безукоризненно одѣтыхъ, съ помятыми отъ безсонныхъ ночей, лицами. Это были настоящіе viveur'ы, спускавшіе тѣму денегъ и здоровья; нѣкоторые изъ любви къ такому образу жизни, другіе въ силу привычки, приобрѣтенной отъ ихъ отцевъ и дѣдовъ.

— „Николай Ивановичъ! Bravo!“—„Поздравляю“—„Mai c' est impossible, какая хорошенькая“.—„Откуда ты такую антилопу выкопалъ?“ посыпалось на Терехина со всѣхъ сторонъ.

— „Никакихъ поздравленій не принимаю“, отвѣчалъ онъ, „ни откуда не выкапывалъ. А что хорошенькая—это правда и что это

старая моя знакомая, дочь моего пріятели, — тоже правда“.

— „И то, что ты говоришь неправду тоже правда“, отрѣзалъ ему высокій брюнетъ съ просѣдью и очень интеллигентнымъ красивымъ лицомъ.

— „Bravo! Bravo, князь!“ раздалось во кругъ.

Князь раскланился и продолжалъ:

— „Къ чему вся эта комедія, когда мы отлично знаемъ, что твоя красавица—жаждущая сцены провинціалочка и что ты думаешь превратиться въ мецената. А узнали мы это вотъ отъ кого: вонъ несется снова нашъ „всезнайка“.

Навстрѣчу компаніи, спускаясь съ лѣстницы, несся небольшого роста, полный старичекъ, съ кругленькимъ личикомъ, покрытымъ цѣлой сѣтью красныхъ жилокъ. Одѣтъ онъ былъ пестро, безъ вкуса. Это былъ типъ давно извѣстный—среднее нѣчто между Расплюевымъ и Добчинскимъ и Бобчинскимъ.

— „А Теръ-Терехинъ“, запищалъ какъ то онъ прибавляя, находя это остроумнымъ, къ фамилии Николая Ивановича армянскую частицу. „Позволь принести тебѣ нижайшее поздравленіе съ величайшимъ приобрѣтеніемъ. И какъ ты успѣлъ? Уму непостижимо. Вѣдь, господа, никто изъ васъ до сегодняшняго вечера и не подозрѣвалъ о существованіи сей незнакомки—я то зналъ, я зналъ давно и даже имѣлъ въ виду... Смотрю—Теръ-Терехинъ уже сегодня съ ней въ ложѣ. Нѣтъ, вы вообразите себѣ, такой, можно сказать...

— „Assez“, оборвалъ его князь. „Николай Ивановичъ!“ обратился онъ къ Терехину, „Мнѣ съ тобой поговорить нужно. Pardon“, кивнулъ князь остальнымъ.

Терехинъ недовольный тѣмъ, что ему не удалось соврать относительно Лирской и немного разсерженный безтолковой болтовней „всезнайки“ взялъ князя подъ руку и повернулъ въ фойе. Остальная компанія, окруживъ румянаго старичка, направилась къ буфету.

— „Послушай, Nicolas“, началъ князь, когда они достигли дальняго угла фойе и присѣли на диванъ, „ты поступаешь не по товарищески, скрывши отъ меня то, что ты будешь сегодня здѣсь да еще съ такой прелестной женщиной. Но это твое дѣло. Я немного наблюдалъ за твоей спутницей и замѣтилъ, что она не похожа нисколько на нашихъ demi-vierge. Она полевой цвѣтокъ, нѣжный и чистый. Слушай, ты что думаешь покровительствовать ей во славу Божію или думаешь—сорвать стебелекъ съ этого цвѣточка“?

Лицо Терехина приняло игривое выраженіе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Финити.

ДОСТУЧАЛСЯ.

I.

Актеръ Бражинъ подошелъ къ большому, сѣрому дому на Петровкѣ и остановился; сердце такъ сильно билось, что трудно было дышать; онъ всегда страдалъ и волновался, когда приходилось быть въ роли просителя; его высокая, неуклюжая фигура съ длинной шеей, съ однимъ плечомъ выше другого, казалась ему самому еще непригляднѣе и какой-то внутренней голосъ зло надъ ней издѣвался. Въ сѣромъ домѣ жилъ Перекатовъ—сильное лицо въ театральномъ мѣрѣ; въ одну изъ гастрольныхъ поѣздокъ онъ игралъ съ Бражинымъ и очень хвалилъ его исполненіе; актеръ хотѣлъ напомнить объ этомъ и просить рекомендаціи въ Харьковъ, куда набиралась въ настоящее время труппа; много изъ товарищей попало въ этотъ городъ, благодаря вліятельному слову знаменитаго артиста. Здѣсь въ Москвѣ Бражинъ три раза не заставалъ его дома; послѣдній разъ вышла къ нему жена Перекатова и отъ имени мужа назначила притти сегодня въ семь часовъ. Важнаго швейцара съ николаевскими баками у подъѣзда не оказалось, и актеръ самъ отворилъ тяжелую дверь и сталъ робко подниматься по лѣстницѣ, украшенной сфинксами и тропическими растеніями. На второмъ этажѣ онъ снова остановился, сердце стучало, какъ молотъ, на лбу выступилъ потъ. Актеръ стоялъ передъ огромной дубовой дверью и не могъ оторвать глазъ отъ мѣдной дощечки, на которой славянскими буквами было начертано одно слово: «Перекатовъ», и это слово, и блестящій прямоугольникъ съ вырѣзанными буквами, казалось, дѣйствовали, какъ внушеніе, рука не подымалась къ пуговкѣ звонка, а пересохшія губы безсознательно шептали: «Перекатовъ, Перекатовъ.» Наконецъ, онъ вздохнулъ, быстро перекрестился и позвонилъ.

— Что это я, точно мальчикъ,—подумалъ актеръ и улыбнулся; нервное, староеобразное лицо его, съ темными, задумчивыми глазами, отъ улыбки помолодѣло и стало красивымъ. Выждавъ нѣкоторое время, онъ снова нажалъ пуговку и снова нарушилъ сумрачную тишину парадной лѣстницы. Никто не отозвался.

— Быть можетъ спитъ, а прислуга куда нибудь вышла,—подумалъ Бражинъ и два раза кряду нажалъ звонокъ. Таже тишина царилла за дверью и на лѣстницѣ. Тогда онъ невольно постучалъ, какъ дѣлалъ это у себя въ провинціи, гдѣ очень часто не дѣйствовалъ колокольчикъ.

— Пойду отыскивать швейцара,—рѣшилъ Бражинъ и на всякій случай позвонилъ нѣсколько разъ. Затѣмъ постоялъ съ полминуты передъ дверью и спустился внизъ. Швейцаръ оказался въ своей комнатѣ и на вопросъ актера, важно разглаживая баки, отвѣтилъ:

— Вчера уѣхали за границу.

Когда Бражинъ очутился на улицѣ, ему пришли на умъ слова пріятели и товарища

по школѣ Сушкевича: «Чтобы добиться своего, надо всюду стучаться».

— Вотъ что называется не достучался,—прошепталъ актеръ и изъ груди его, помимо воли, вырвался тихій, истерическій смѣхъ, отъ котораго сжималось горло.

Все это время въ Москвѣ Бражина преслѣдовали неудачи, куда не приходилъ, всюду выслушивалъ казенное словечко: «къ сожалѣнію». Къ сожалѣнію, труппа полна; къ сожалѣнію, вы намъ не нужны. Теперь чаша переполнилась, сегодняшнее посѣщеніе Перекатова—послѣдняя капля. Назначить день и часъ и уѣхать. Что это? Или глумленіе, или полное презрѣніе къ окружающимъ,—спрашивалъ себя актеръ, гдѣ же чувство товарищества, гдѣ мечты объ идеальномъ актерскомъ союзѣ — и онъ вспомнилъ гуманную рѣчь Перекатова на первомъ съѣздѣ.

Бражинъ шелъ по Петровкѣ и печальныя мысли назойливо осаждали мозги; восемь лѣтъ онъ на сценѣ и восемь лѣтъ служить по разнымъ «Пѣтушкамъ» и «Царевкошайскамъ», словно не можетъ вырваться изъ заколдованнаго круга губернскихъ и уѣздныхъ захолустій. Онъ почувствовалъ страшную жажду, зашелъ въ первую попавшуюся на глаза пивную и спросилъ себѣ бутылку «трехгорнаго». Прохладный полумракъ царствовалъ въ комнатѣ, похожей на погребъ и украшенной старыми литографіями, въ углу дремалъ старикъ съ Георгіемъ въ петлицѣ и съ зеленоватыми отъ краски усами, за среднимъ столикомъ оживленно бесѣдовали двое мастеровыхъ.

— Ты это, Федя, напрасно, не бросай братъ, мѣсто,—говорилъ наставительно рыжій краснощекий парень въ сѣромъ пиджакѣ невзрачному блондину въ рваномъ сюртукѣ и опоркахъ.—За мною, братъ, не гонись, я одно, ты другое. Я теперь дѣло превзошелъ и потому самъ себѣ человѣкъ.

— И я работникъ,—возразилъ блондинъ и равнодушно сплюнулъ въ сторону.

— Это ты правильно. Ты золотого мастера. Митричъ твои сапоги и почейчасъ носить, только рука у тебя нелегкая для самого себя. А я что. Я всегда мѣсто найду. Начхать мнѣ на хозяина, могу собой располагать. Одно слово, я самъ себѣ хозяинъ, самъ себѣ человѣкъ.

— И мнѣ начхать.

— Нѣтъ, братъ, шалишь. Ты статья другая. Я въ настоящую точку вошелъ, а потому самъ себѣ человѣкъ.

Слова рыжаго парня, словно ножемъ, рѣзнули по сердцу Бражина.

— И я до сихъ поръ самъ себѣ не человѣкъ и значу меньше, чѣмъ этотъ сапожникъ,—съ грустью подумалъ онъ. Ему вдругъ захотѣлось напиться до безчувствія или закутить, чтобы найти забвеніе... Актеръ расплатился за пиво и неожиданно для самого себя рѣшилъ итти на Дмитровку, къ своему пріятелю Сушкевичу. На улицѣ онъ почувствовалъ, что все тѣло его

ныло и голова точно налита свинцомъ.

Сушкевичъ жилъ въ центральныхъ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ обыкновенно останавливаются актеры. Бражинъ засталъ его за самоваромъ, онъ, видимо, обрадовался товарищу и предложилъ ему чаю. Это былъ среднихъ лѣтъ полноватый мужчина съ круглымъ лицомъ безъ бровей, сѣрые быстрые глаза его имѣли какое то напряженное выраженіе и смотрѣли на собесѣдника не то ласково, не то умильно. По мнѣнію актеровъ Сушкевичъ умѣлъ устраивать свои дѣла и со всѣми ладилъ. Говорили, что у него есть деньжонки, которыя онъ тщательно скрывалъ и при случаѣ пускалъ въ оборотъ. Всегда довольный судьбой и увѣренный въ своихъ силахъ, онъ имѣлъ счастливую особенность, какъ умный политикъ предвидѣть будущія событія и сообразно съ ними дѣйствовать. На слѣдующій сезонъ надо попасть въ Кіевъ, говорилъ онъ, черезъ годъ будетъ свободное мѣсто въ Казани, потому что актеръ такой то не уживется, и дѣйствительно попадалъ въ Кіевъ, а потомъ въ Казань. Какъ исполнитель характерныхъ ролей, Сушкевичъ отличался вдумчивостью и серьезной работой. Онъ зналъ сцену, зналъ публику, умѣлъ пользоваться внѣшними эффектами, также какъ и льдыми, посредствомъ которыхъ дѣлалъ себѣ карьеру. Одинъ редакторъ большой провинціальной газеты говорилъ, что Сушкевичъ талантливый дѣятель сцены, но не талантливый артистъ. Всегда веселый, жизнерадостный онъ невольно внушалъ бодрость окружающимъ.

— Вчера проводилъ свою Эмму Ивановну въ Питеръ къ роднымъ,—сказалъ Сушкевичъ, придвигая товарищу стаканъ,—теперь я на положеніи соломеннаго вдовца и непрочъ встряхнуться. А ты, что такой кислый. Повѣдай мнѣ свои печали.

— Не стоитъ говорить,—отвѣчалъ Бражинъ, махнувъ рукой и сталъ пить чай. Послѣ нѣсколькихъ глотковъ онъ произнесъ съ горькой улыбкой:

— Въ настоящемъ смыслѣ не достучался. Затѣмъ рассказала всѣ неудачи послѣднихъ дней и посѣщеніе Перекатовской лѣстницы. Сушкевичъ невольно улыбнулся и замѣтилъ:

— Пренебреги и береги свое здоровье, потомъ, что то вспомнивъ, спросилъ:

— Ты когда былъ у Перекатова послѣдній разъ?

— Сегодня.

— И онъ утромъ уѣхалъ за границу?

— Да, мнѣ сказалъ швейцаръ... Это меня возмутило.

— Всѣ они толстокожіе, Петя,—мягко проговорилъ Сушкевичъ,—развѣ ихъ проймешь. Впрочемъ Перекатовъ ничего бы для тебя не сдѣлалъ... На него нашелъ азартный стихъ, только и думаетъ о картахъ. А ты не унывай, мѣсто будетъ, не теперь, такъ осенью...

— Довольно обо мнѣ,—рѣзко прервалъ Бражинъ,—скажи лучше, куда кончилъ зиму

— Еще ничего неизвестно.

Глаза Сушкевича забѣгали, какъ бы желая ускользнуть отъ внимательнаго взгляда товарища и онъ поспѣшилъ перенести разговоръ.

— Я забылъ, гдѣ твоя женка?

— Гостить у моего отца въ Твери.

— И сынишка съ ней?

— Съ ней. Ему всего три года.

— Значитъ, они пока обезпечены?

— Да, пока,—неохотно отвѣчалъ Бражинъ и задумался. Углы рта опустились, лицо его сдѣлалось еще старообразнѣе. Онъ вспомнилъ женственную Ганю, веселого Колю, и сердце болѣзненно сжалось. Его потянуло къ семьѣ...

— А не послать ли намъ за водочкой? весело воскликнулъ Сушкевичъ, желая расшевелить пріятеля. На закуску велимъ купить селедочки да семги, да спросимъ отсюда котлетъ телячьихъ. Положимъ, мы народъ вольный, гулящій, намъ трактиръ дороже всего, какъ говоритъ Шмага, но дома и дешевле, и уютнѣе. И съ этими словами онъ позвонилъ корридорнаго и сталъ ему объяснять, что и гдѣ слѣдуетъ купить.

Бражинъ большими шагами заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, его длинная неуклюжая фигура слегка гнулась. Въ шаблонномъ номерѣ съ коричневой мебелью и такой же перегородкой, въ видѣ портьеры, царилъ образцовый порядокъ, не было и признака актерской разбросанности; все казалось на своемъ мѣстѣ, на письменномъ столѣ чернильница, два подсвѣчника и разныя принадлежности для письма, на комодѣ, покрытомъ вышитымъ полотенцемъ, трехгранное зеркало, пудра и нѣсколько флаконовъ, на окнахъ симметрично разложены коробки и свертки, перевязанные ленточкой.

Сушкевичъ отослалъ корридорнаго и, щелкнувъ пальцами, воскликнулъ:

— Теперь я покажу тебѣ мои покупки,—и сталъ бережно развертывать и раскладывать вещи, лежащія на окнахъ.

— Видишь, это коллекція носовъ, а это подбородковъ. Обрати вниманіе, какая работа. А здѣсь все парички характерные, вотъ парикъ больного. Смотри, какой художочный волосъ. А вотъ серебряный, барскій—мягкій, блестящій—не парикъ, а симфонія. А это мое изобрѣтеніе — накладка съ лысиной подъ цвѣтъ моихъ волосъ. Онъ, какъ бы предвкушая эффектъ, надѣлъ парикъ и подошелъ къ зеркалу, въ немъ отразилось круглое довольное лицо Сушкевича съ небольшой лысиной.

— Неправда ли, измѣняетъ фізіономію.

Бражинъ этого не нашелъ, но, не желая огорчить товарища, сказалъ:

— Да, измѣняетъ. Его никогда не интересовали подобныя сценическія приспособленія.

— Теперь гляди и восхищайся. Новая краски и растушочки — послѣднее слово искусства.

Сушкевичъ съ любовью знатока пома-

залъ тѣльной краской тонкую растушеву и напряженно улыбаясь и нѣсколько сопя носомъ, сталъ чертить ей по ладони.

— Замѣть, какой нѣжный тонъ,

Отъ оживленной рѣчи и бодрого вида пріятеля у Бражина стало легко на душѣ. Лакей внесъ водку, внесъ и закуску и поставилъ на столъ.

— Кутить такъ кутить,—сказалъ Сушкевичъ,—я велѣлъ принести еще бутылку Алушты, любимое вино Перекатова.

— Признайся, Саша, ты уже кончилъ куда нибудь и на радостяхъ раскутился,—замѣтилъ Бражинъ. Обыкновенно, ты не очень то любишь угощать.

— Кое что интересное наклеивается... Крикнемъ по единой по этому случаю.

Пріятели выпили и закусили семгой.

— Везетъ тебѣ, Саша, и всегда везло,—сказалъ Бражинъ послѣ двухъ рюмокъ водки. По настоящему долженъ я тебѣ завидовать да не могу, потому что ты славный парень и мой однокашникъ. А мнѣ не везетъ, всегда чертовскія неудачи.

— Оттого, что ты фантастъ, какъ говоритъ моя Эмма Ивановна, а я — корневикъ,—покровительственно замѣтилъ Сушкевичъ. Смотрю, по совѣту Пруткова, въ корень вещей. Надо, братъ, въ жизни найти настоящую точку и бить въ нее постоянно, причемъ слѣдуетъ пользоваться моментомъ.

— Легко сказать—пользоваться, а моментъ можетъ и совсѣмъ не явиться, — съ грустной ироніей возразилъ Бражинъ.

— Умѣй быть нужнымъ и моментъ представится, впрочемъ, научить этому трудно.

— Своего рода талантъ, только закулисный.

— А ты что думаешь, — воскликнулъ Сушкевичъ и быстрые глаза его заблестѣли. Закулисный талантъ—великая вещь. Я его имѣю и горжусь этимъ, умѣю пользоваться нужными людьми, такъ устраиваю, что они всегда замолвятъ за меня словечко и не хотятъ, да замолвятъ, а получу хорошее мѣсто, выговорю себѣ въ контрактѣ первый выходъ, приѣду въ городъ—знакомство завожу немедленно. За роли примусь—отдѣлаю до мелочей, никакими эффектами не пренебрегаю, стремлюсь публику поразить, а тронуть или захватить не берусь, пожалуй и лишнее это по нынѣшнему времени, а поразить публику не трудно, сегодня выйду худощавымъ съ большимъ носомъ, возьму тягучій тонъ, завтра выйду толстымъ, пушу скороговоркой... иной разъ роль крошечная, а я фигуру создаю. Вотъ Тугоуховскаго игралъ,—новое лицо себѣ сдѣлалъ изъ мастики, даже свои актеры не узнали и восхитилъ всѣхъ, только одинъ древній театраль ругался, не искусство, говоритъ, а фокусы. Самойловъ, говоритъ, почти безъ грима однимъ измѣненіемъ лица типъ давалъ. Ну то Самойловъ, а я Сушкевичъ.

Товарищи пили рюмку за рюмкой, Бражинъ молча внимательно слушалъ, а Суш-

кевичъ говорилъ, увлеченный потокомъ своихъ словъ

— Надо, чтобы съ тобой считались, — кричалъ онъ, принимая угрожающій видъ, пускай ненавидятъ, боятся, только бы уважали, а для этого надо стать цѣнностью на нашемъ актерскомъ рынкѣ, вотъ я и сталъ цѣнностью, а ты нѣтъ. Остальное вздоръ. Я не бездаренъ, но таланта въ себѣ не признаю, такъ прямо и говорю, но мнѣ не вѣрятъ и считаютъ мое умѣнье — талантомъ. Впрочемъ, если вино вкусно, не все ли равно настоящее оно или поддѣльное.

— Положимъ, знатоки отличать,—возразилъ Бражинъ и вдругъ замѣтилъ необыкновенное сходство въ рѣчахъ и манерѣ Сушкевича съ ржимъ сапожникомъ, котораго онъ видѣлъ въ портерной.

— Много ли этихъ знатоковъ, — загорячился Сушкевичъ,—всѣ выдохлись и устарили. Я тоже знатокъ, только не кричу объ этомъ на всѣхъ перекресткахъ. Я сейчасъ истинное дарованіе отличу... Возьмемъ тебя на примѣръ, ты—талантъ, я видѣлъ тебя одинъ разъ на сценѣ и съ меня довольно. Да не дѣлай удивленныхъ глазъ и не краснѣй, какъ баба. Ты—талантъ. Другимъ я объ этомъ не скажу, будь покоенъ, это не входитъ въ мои расчеты, а тебѣ говорю по душѣ и подъ влияніемъ бутылки. Я дарованіе среднее, но пойду дальше тебя и знаешь почему. Фигура, думаешь, тебѣ мѣшаетъ. Нѣтъ, фигура твоя не причемъ. Добьешься громкаго имени и ее тебѣ въ заслугу поставятъ, а умѣнья нѣтъ найти настоящей точки и увлеченіе разнымъ романтизмомъ — вотъ что мѣшаетъ.

— Какимъ романтизмомъ? — весело спросилъ Бражинъ, въ глубинѣ души польщенный признаніемъ товарища.

— Разными бреднями объ актерскомъ союзѣ или, на примѣръ, нашъ съѣздъ: романтизмъ сначала до конца. Сознайся, развѣ ты не упивался имъ и не ловилъ, розиня ротъ, каждое слово, которое произносили съ кафедры или со сцены?

— Увлекался, сознаюсь. Слишкомъ все это было неожиданно и ново, и царская милость, и признаніе насъ гражданами.

— Я помню, какъ ты просилъ Держанскаго пристроить тебя на казенную сцену и хотѣлъ поговорить съ нимъ по душѣ... Послѣ рѣчи его тебѣ казалось, что онъ все сдѣлаетъ для товарища. А что вышло. Смѣшное разочарованіе.

— Дѣйствительно смѣшное, молодъ я былъ и довѣрчивъ. А ты самъ, развѣ не поддался общему теченію. Даже читалъ сообщеніе по какому то вопросу.

— Эхъ, святая простота,—смѣясь воскликнулъ Сушкевичъ, читалъ, потому что такъ нужно было. Да и статью то мнѣ написалъ студентъ, я только немножко сократилъ и прочелъ по тетрадкѣ. И некогда было мнѣ увлекаться романтизмомъ, я въ то время впервые самъ себя двигалъ по настоящему. Нѣтъ, братъ, брось эти бред-

ни, думай о своей шкурѣ и не только когда это необходимо, какъ теперь, напримеръ, думай даже, если обезпеченъ хорошимъ мѣстомъ, заглядывай въ будущее, хлопочи, стучись и достучисься.

— Пожалуй, ты правъ,—согласился Бражинъ,—надо всегда стучаться.

— Ты замѣтилъ,—продолжалъ Сушкевичъ,—кто больше всѣхъ и лучше всѣхъ говорилъ на съѣздѣ. Говорили представители прессы, антрепренеры, посредственные артисты, даровитые высказывались мало и больше слушали. Дѣльнѣе всѣхъ проявили себя присяжные ораторы и вообще сценическіе дѣятели. Настоящіе артисты гово-

рить не умѣютъ, иначе они стали бы ораторами, а не актерами...

— Да, ты правъ,—повторилъ Бражинъ.

Онъ слегка захмелѣлъ. Хорошая улыбка окрасила его старообразныя черты. Слова товарища казались ему необыкновенно умными, мѣткими, онъ съ удовольствіемъ ихъ слушалъ и какъ бы раздѣлялъ ихъ смыслъ, но въ самой глубинѣ души звучали чьи то огненные рѣчи, полныя могучаго призыва и значенія и вставалъ вдохновенный образъ великой русской актрисы, которую звали землячкой...

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, какой толкъ во всѣхъ этихъ актерскихъ сборищахъ.

Борьба партіи, шумиха, фейерверки краснорѣчія...

Много еще говорилъ Сушкевичъ, но Бражинъ его не слушалъ, воображеніе рисуетъ ему послѣдній день съѣзда, какое то неземное настроеніе неудержимой волной охватываетъ всѣхъ: поютъ, кричатъ ура, многіе плачутъ, враги жмутъ другъ другу руки. Хорошо ему и онъ сознаетъ, что и всѣмъ также хорошо въ этотъ мигъ.

Бражинъ молчалъ. Онъ боялся открыть передъ Сушкевичемъ душу, боялся, что товарищъ не пойметъ и невольно осквернитъ его завѣтныя думы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мнѣ до боли было жаль эту красивую женщину съ золотистыми волосами и острымъ взглядомъ сѣрыхъ умныхъ глазъ.

Она говорила о послѣднихъ годахъ своей жизни.

Рѣчь была нервная, отрывистая и по своимъ переливамъ похожая на яростно налетѣвшій шквалъ.

Нервически отрывая слово отъ слова, она рассказывала мнѣ о мужѣ, о дѣтяхъ, которыхъ любила искреннею материнскою любовью интеллигентной женщины и о самой себѣ.

Мужъ и люди ее окружавшіе годами деспотически подавляли все то, что она вынашивала въ своей душѣ съ юныхъ лѣтъ и въ чемъ видѣла цѣль и счастье своей жизни.

Быть на сценѣ, дышать атмосферой кулисъ, жить и чувствовать, создавая новые образы, было теперь единственнымъ желаніемъ этой женщины.

Талантливая, съ выйгрышной сценической внѣшностью, чуткая, многоработающая надъ собой, съ нервнымъ подъемомъ и бурно разлившимся во всей фигурѣ и особенно въ лицѣ темпераментъ, она общалась стать недюжинной артисткой.

Шли годы губительные, вообще для женщинъ, а мужъ эгоистически не допускалъ и мысли, чтобы его жена была на подмосткахъ.

Только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ настойчивыхъ, иногда рѣшительныхъ до разрыва съ мужемъ просьбъ, ей удалось поступить на драматическіе курсы.

Полнаго согласія увидѣть свою жену героиней какой нибудь пьесы мужъ не давалъ, полагая наивно, что эта блажь, какъ онъ говорилъ, уляжется и совсѣмъ пройдетъ.

А годы шли...

Александрійская по социальному положенію, занимаемому ея мужемъ, принадлежала къ замкнутому кругу еврейской жирной буржуазіи, смѣшанной съ солиднымъ процентомъ крупныхъ дѣльцовъ.

Ее считали женщиной со средствами, хотя по добровольному ея признанію, лично у нея не было ни копѣйки.

Была ли это правда, или это атавистическая особенность еврейскаго народа утаивать цифру своихъ средствъ, я не зналъ.

Я вѣрилъ Ліи, какъ человѣку, который былъ мнѣ глубоко симпатиченъ и котораго я, пожалуй, даже любилъ.

Съ этой женщиной мнѣ нравилось бесѣдовать.

Иногда часами тянулся нашъ разговоръ, которому, казалось, не было и конца.

Александрійская относилась ко мнѣ хорошо, любила и цѣнила мое общество.

Словомъ, мы съ нею были большіе друзья.

Одна черта мнѣ не нравилась въ Ліи. На ней было всегда все дорогое, но ея туалетъ былъ какой то странный, словно чужой, купленный случайно по частямъ съ аукціона.

Меня всегда удивляло, какъ женщина со средствами, интеллигентная и вообще съ большимъ вкусомъ, не умѣетъ стильно одѣться.

— Прости,—какъ то сорвалось у меня съ языка,—почему это все, что на тебѣ, какъ будто чужое?

— Да,—вся загорѣвшись, проговорила Лія,—ты правъ, на мнѣ все чужое.

— Я вся чужая...—съ какой то истеричностью выкрикнула она.

Я промолчалъ и далъ ей немного успокоиться, такъ какъ видѣлъ, что мой вопросъ особенно взволновалъ ее.

— Но я не понимаю,—снова началъ я, что это значитъ: „Я вся чужая?“

— Да вѣдь все, что на мнѣ не мое,—выкрикнула Лія.—Чужое... Мужнино. На мнѣ и фамилія—то чужая и я то вся несвоя. Я вся чужая.

.....

Мнѣ было безумно жаль красивую Лію.

— Успокойся,—произнесъ я страстно—ты говорила, что любишь меня, что отдыхаешь со мною и, что тебѣ хорошо, такъ будь же моею, — крикнулъ я задыхаясь въ порывѣ внезапно охватившаго меня непонятнаго мнѣ чувства, „я поведу тебя, пока будутъ у меня силы“...

Красивая, золотистая Лія посмотрѣла на меня своими большими скорбными глазами и тихо сказала: „Лія Нанбергъ была бы твоя на всю жизнь, а Лія Александрійская—только Александрійскаго“.

Лія повернулась и покойно красивая, какъ царица вышла, тихо прошептала: „Прощай, родной“...

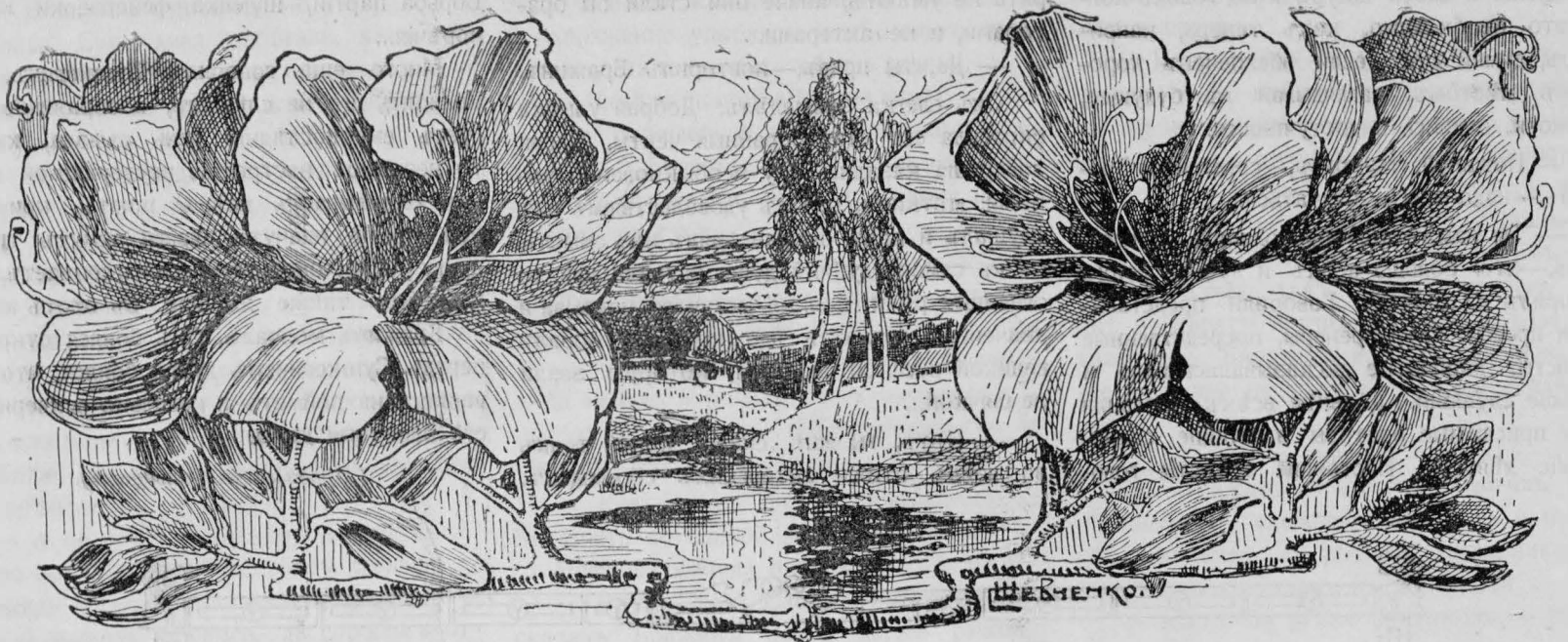
Я не пытался удержать ее.

Схвативъ разгоряченную голову холодными руками, я рыдалъ, какъ ребенокъ.

Владимиръ Блохинъ.

СЦЕНА и ЖИЗНЬ.

ЗАГАДКА.

(Стихотвореніе).

Вы сфинксъ, вы странная загадка,
Сверхженщина время упадка
Завѣтовъ милой старины!
Для васъ—ничто золотыя сны
Наивныхъ, свѣтлыхъ упованій:
Въ душѣ не признаете вы
Ни дикой ревности терзаній,
Ни первобытной простоты
Въ любви Бавкиды иль Лаисы.
Расчеты ловкой куртизанки,
Порывы пламенной вакханки
Равно чужды вамъ, и Нарциссы
Столѣтъя новаго въ грустяхъ,
Когда они у васъ въ гостяхъ.
Постигнуть васъ имъ невозможно:
На васъ глядятъ они тревожно
И задаютъ одинъ вопросъ
Богинѣ, царственной Астартѣ,
Хранительницѣ страсти грозъ:
Бывала ль въ пламенномъ азартѣ
Твоя рабыня?! Алый ротъ

Ея такъ холодно смѣется:
Какъ видно никогда Эротъ
Вокругъ колѣнъ ея не вьется!
Глаза ея, какъ омутъ черный:
Не прочитатъ въ нихъ ничего,
А если блещутъ для кого
Блескъ ихъ холодный, хотъ задорный!
И торса царственный изгибъ,
Сулящій столько наслажденій,
Обманетъ всѣхъ и тотъ погибъ,
Кто не уйдетъ отъ навожденій.
Для ней мужчины всѣ равны
И одинаково смѣшны,
Когда въ довлѣющемъ задорѣ
Отвѣта ищутъ въ гордомъ взорѣ.
Холодной лаской невзначай
Она избранника даритъ,
Лѣниво вымолвить: «прощай!»
И равнодушно отъ Харитъ
Уходитъ къ Вакху на свиданье,
Но не всегда и онъ ей милъ

И на пиру, какъ изваянье
Изъ мрамора, среди могилъ,
Она тоску лишь навѣваетъ.
Что ей Амуръ не напѣваетъ,
Какъ Вакхъ ко влагѣ не манитъ,
Она хранитъ свой мрачный видъ.
Амуръ и Вакхъ забыты оба
И своенравная мечта
Ея стремится въ сѣни гроба...
Скажите, боги, кто же та,
Кого зовемъ мы Маргаритой,
И есть ли Фаустъ у нея?!
Въ отвѣтъ Астарта видъ убитый
Хранитъ, закрывъ чело свое,
Амуръ сложилъ въ колчанъ всѣ стрѣлы
И завернулся въ плащъ Эротъ,
Лишь Вакхъ, божественный уродъ,
Съ похмѣлья шепчетъ: «Наше дѣло!»

Ю. Елецъ.

Театральная хроника.

ПЕРЕВОПЛОЩЕННЫЙ.

Шесть лѣтъ... Шесть красивыхъ молодыхъ лѣтъ убито на скрытую мечту, на тайные вздохи перевоплотить себя въ Великую Душу женщины-героини-патріотки.

Шесть лѣтъ, чтобы въ седьмой сдѣлать кричащій праздникъ...

Чтобы на столбцахъ всѣхъ петербургскихъ газетъ зрѣть сіе перевоплощеніе.

Упитываться запахомъ свѣже-бьющей въ носъ типографской краски.

Слышать изъ очаровательныхъ устъ хорошенькой женщины комплименты.

Пропускать мимо ушей злобное негодование неизобрѣтательныхъ мужчинъ, завистниковъ-товарищей, фельетонные уколы и шпильки газетчиковъ...

Шесть лѣтъ упорнаго труда въ позѣ склоненнаго надъ фоліантами червя-буквоѣда, покушающагося «съ негодными средствами» на раскрытіе пола легендарно-исторической «дѣвы» въ латахъ и шлемѣ.

Сорванъ поэтической ореоль съ «дѣвственницы»... Какое счастье, какой безумный восторгъ «перевоплощаться» въ таинственную дѣву,—опоэтизированную великимъ министелемъ!..

А развѣ этотъ всеобщій говоръ, похожій на шумный весенній рокочущій потокъ, не пріятнѣе тѣхъ томительно-долгихъ шести лѣтъ, когда только мечталось, только чудилось, что «перевоплощеніе» возможно... нужно только набраться смѣлости и выбрать подходящій моментъ?!..

Шумиха сорочьей трескотни, ктъ отъ нея откажется въ наши дни, дни взлетающихъ на вершины славы героевъ, поэтовъ и поэтиковъ, на подобіе тѣхъ пѣтушковъ, что такъ самодовольно «кукарекаютъ» на заплахъ и деревянныхъ шестахъ... О, это слава—отрава людскихъ сердецъ—какъ она дешево иногда достается!..

Хоть одинъ день, но мой, мой!..

Хоть часъ, но часъ длительнаго самослаждения тѣми выкриками истеричекъ, кликушъ и юродивыхъ, которые въ болѣзненной экзальтации готовы цѣловать ноги пророковъ-новаторовъ...

Безуміе счастья... Безуміе самовлюбленности... Безуміе мелкаго дешевенькаго героизма.

Гдѣ нѣтъ риска. Гдѣ все построено на психологии толпы, жаждущей новыхъ словъ, новыхъ созвучій, новыхъ формъ огненнаго разврата, чтобъ тѣло извивалось змѣей новой страсти.

Нѣтъ риска, но есть шансы сдѣлаться предметомъ поклоненія, халифомъ на часъ, чтобы звонили во всѣ колокола, какъ при встрѣчѣ архіереевъ, чтобы трубили во всѣ трубы...

— Смотрите: это я...

— Слышите: это мой голосъ...

Я. Я. Я. Тысячу разъ я.

Когда то, чего жаждетъ человѣкъ, къ чему стремится, что ставитъ цѣлью жизни, ея смысломъ, не дается ему въ руки, ускользаетъ вслѣдствіе его безсилія, нравственнаго физическаго—все равно,—онъ начинаетъ

дня, нѣкоторые попали въ исторію, другихъ поглотила Лета въ своихъ туманныхъ волнахъ, третьи не гнались за вѣчной славой и остались довольными, что имъ удѣлили нѣсколько минутъ всеобщаго вниманія...

Безуміе мгновенія...

И мнѣ кажется, что этотъ кричащій, назойливо не перестающій занимать умы

БОРИСЪ ГЛАГОЛИНЪ.

Рис. А. Божерянова.

«чудачить», онъ творитъ то, чего не дѣлаютъ другіе, придумываетъ чудеса, которыми онъ удивитъ весь міръ, и міръ говоритъ о немъ...

Купецъ рветъ банковые билеты...

Помѣщикъ развѣзжаетъ на голыхъ дѣвкахъ цугомъ...

Богачъ-миллиардеръ строитъ вавилонскую башню...

Поэтъ купается въ звонахъ своихъ стиховъ...

Нельзя перечислить всѣхъ формъ и видовъ чудачества, благодаря которымъ ихъ авторы становились ходульными героями

Петербурга дебютъ безусловно умнаго и талантливаго артиста Б. С. Глаголина въ перевоплощенномъ поэтическомъ образѣ экзальтированной дѣвственницы — былъ только однимъ чудачествомъ съ его стороны, желаніемъ окунуться въ вихрь тѣхъ отзвуковъ и словеснаго шума, который поднялся вокругъ его имени.

Нельзя же серьезно обнять необъятное.

Нельзя же быть женщиной, когда создавшій далъ намъ усы и бороду. Какъ нельзя курицѣ быть пѣтухомъ ужъ только по одному тому, что у пѣтуха есть еще шпоры.

М. Поповъ.

Крестовскій театр. Первая майская программа этого театра Варьете составлена очень интересно, въ особенности программа закрытаго театра, гдѣ дивертиссементъ составленъ изъ сравнительно небольшого количества номеровъ, но зато каждый номеръ смотрится съ интересомъ. Чудеса ловкости показываетъ труппа японскихъ эквилибристовъ Намба, которые всѣ свои упражненія продѣлываютъ при помощи ногъ, которыя у нихъ чрезвычайно развиты. Интересенъ американскій музыкальный ансамбль 8 Бизерастъ, состоящій изъ восьми милостивныхъ музыкантовъ, играющихъ на разныхъ духовыхъ инструментахъ, особенно оригинальна игра на 8 тромбонахъ. Забавно семейство 6 Кольбергъ (4 дѣвочки и 2 мальчика), играющее на мандолинахъ и другихъ инструментахъ, причѣмъ наименьшій членъ семейства очень забавно исполняетъ роль капельмейстера, онъ же выступаетъ какъ скрипачъ. Женская борьба въ воздухѣ также чрезвычайно забавное зрѣлище, впрочемъ ничего общаго не имѣющее съ борьбой. — На сценѣ виситъ рядъ шестовъ, съ которыхъ 4 англичанки и 4 американки стараются сталкивать другъ друга. Исполнительница цыганскихъ романсовъ г-жа Дулькевичъ и американская красавица Виолетъ Галлесъ неоднократно выступали въ Петербургѣ и пользуются прежнимъ успѣхомъ. Недурны танцовщицы сестры Марія и Тина, французская пѣвица Ллетъ Доля, испанскіе партеръ - акробаты 5 Инасъ. Акробаты эксцентрики трио Витингтонъ слабѣе.

На садовой сценѣ недурно сыграли „Кавалерійскую атаку“, послѣ которой въ дивертиссементѣ отличились эксцентрики Дельмось съ дрессированной собакой. На верандѣ опять дивертиссементъ изъ 15 номеровъ, здѣсь и нѣмки, и испанки, и итальянки... танцуютъ и поютъ. **Habitué.**

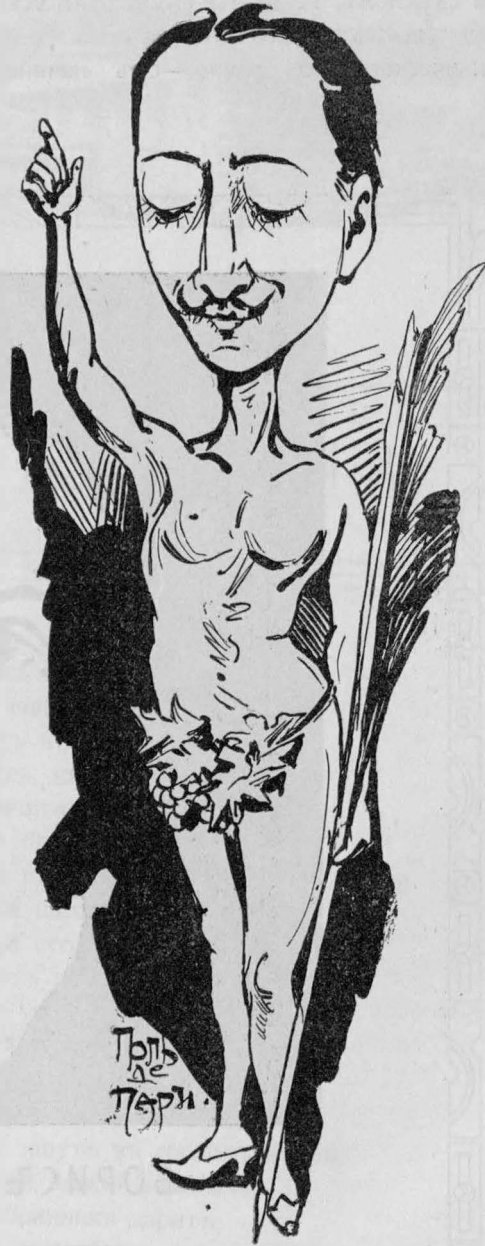
— Въ театрѣ „Буффъ“ оперетка „Прекрасная голландка“ пользуется успѣхомъ и собираетъ много публики. Въ девятомъ представленіи этой оперетки роль Слинкса, вмѣсто г. Монахова, исполнилъ г. Брянскій и имѣлъ большой вполнѣ заслуженный успѣхъ. На садовой эстрадѣ воздушные гимнасты Франклинъ выдѣлываютъ разные головоломные трюки, главнымъ образомъ поражаютъ сальто-мортале, которыя однимъ изъ гимнастовъ дѣлаются съ поразительной легкостью. На ресторанной эстрадѣ длиннѣйшій дивертиссементъ, гдѣ артистки всѣхъ національностей поютъ и танцуютъ.

— Опереточная труппа Горскаго начинаетъ сезонъ въ Лѣсномъ 15 Мая. Въ составъ вошли: А. А. Добротини, Е. А. Добротини, Завадскій, Горскій, Видимовъ, Градовскій и др.

— Здоровье артиста „Буффа“ г. Кошевскаго возстановилось. Артистъ ѣдетъ на лѣто въ Ниццу отдыхать. Зиму г. Кошевскій служитъ въ Петербургѣ въ труппѣ Новикова.

25-мъ семейно-художественнымъ вечеромъ закрылся сезонъ художественныхъ вечеровъ „Театрального клуба“, пользовавшихся большимъ успѣхомъ у публики. Программа концерта была составлена очень интересно. Съ большимъ успѣхомъ пѣла артистка Маріинскаго театра Г. И. Никитина, оперная артистка Л. В. Астафьева, О. Г. Гуріалли и гг. Виттингъ и Галецкій, исполнившіе много романсовъ русскихъ и иностранныхъ композиторовъ. Много аппло-

Собств. журнала „Сц. и Ж.“
(ШАРЖЪ).

Анатолій Каменекій.

Л Е Д А.

дировали также французской лирической пѣвицѣ г-жѣ Ада Мартель, исполнившей поэтичныя „Bergerette“, Векерлена и „Chausous Grises“ Р. Гана и обнаружившей красивое сопрано. Но все же наибольшій успѣхъ вечера выпалъ на долю О. Э. Озаровской, съ большимъ комическимъ талантомъ читавшей цѣлый рядъ народныхъ сказокъ и имитировавшей извѣстныхъ артистокъ, за что даровитую исполнительницу долго не хотѣли пускать съ эстрады, требуя повтореній. Инструментальнымъ солистомъ вечера былъ г. Армандо Цанибони, съ успѣхомъ сыгравшій соло на скрипкѣ. Въ заключеніе г. Лерскій комическими рассказами долго смѣшилъ многочисленную публику.

Русскіе артисты въ Японіи. Фигнеръ, Ренъ-Фигнеръ и Рутенбергъ имѣли огромный успѣхъ въ концертахъ, данныхъ ими, въ Токио и Іокогамѣ.

Въ Харьковѣ пріѣхала изъ Москвы молодая артистка В. А. Нароновичъ. У нея были въ Харьковѣ дѣла съ нѣкимъ Колышкинымъ.

17-го апрѣля, къ прокурору харьковского окружного суда поступило заявленіе, въ которомъ говорилось, что въ квартирѣ Колышкина слышатся женскіе вопли, плачь, глухіе удары какъ-бы плетью. Кого-то, очевидно, морятъ голодомъ, ибо постоянно слышатся крики: „дайте вѣсть!“

Прокуроръ сдѣлалъ распоряженіе произвести обыскъ въ квартирѣ 18-го апрѣля, вечеромъ, въ квартиру Колышкина явилась полиція, которая обнаружила голую женщину, почти превратившуюся въ скелетъ.

Видъ ея былъ ужасенъ; истерзанная, исхудавшая, съ безумнымъ взглядомъ, съ растрепанными волосами, она лежала въ постели и плакала.

На кровати, грязной и запачканной, не было простыни и подушки. Въ комнатѣ стояло невыносимое зловоніе. Лицо, руки и часть тѣла женщины были испачканы экскрементами... Въ скрюченныхъ рукахъ женщина держала куски булки.

Даже полиція, привычная ко всякаго рода зрѣлищамъ, ужаснулась...

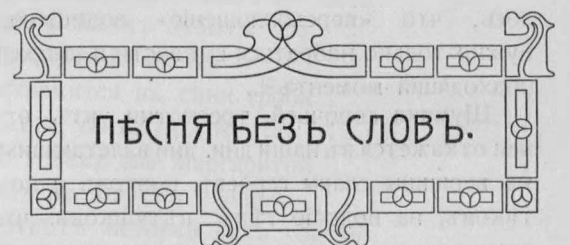
Голая, дрожащая отъ рыданій, женщина оказалась г-жею Нароновичъ.

Несчастную подняли съ постели, одѣли и дали ей большую порцію мяса. Но это ея не удовлетворило; она была голодна...

Г. Колышкинъ объясняетъ, что г-жа Нароновичъ сошла съ ума, заболѣвъ прогрессивнымъ параличемъ. Тогда онъ сталъ ее лѣчить у себя на квартирѣ. Больная обнаруживала странныя наклонности, рвала на себѣ платье и бѣлье, и потому оставлена голой.

Полиціи удалось установить, что г-жа Нароновичъ—богатая женщина: у нея въ Крыму близъ Алупки, имѣется собственная дача и капиталъ.

Слѣдствіе ведется судебнымъ слѣдователемъ.

Когда въ мѣстѣ послѣднемъ ночлега,
Ръ часъ ненастья, суровой зимой
Спитъ бродяга съ пустою сумой
На сугробѣ сыпучаго снѣга,
Беззаботно, безстрастно, безъ сновъ
Раздаются изъ мрака мятели
Заунывно-пѣвучія трели.
Это братскою пѣсней безъ словъ,
Дикимъ гимномъ стихійной свободы,
Принимая въ единство природы,
Отпѣваетъ скиталеца Эоль,
Съ бѣлыхъ елокъ спускаясь на доль...
И подъ пѣсни той скорбные звуки
Снѣговой наметаетъ рельефъ
На чело, гдѣ уснули ужъ муки,
Гдѣ застыли и горе, и гнѣвъ...

Н. Оржицкій.

СТИХОТВОРЕНИЕ.

* * *
 Безконечно далекъ, безпримѣрно су-
 ровъ
 Нашъ тернистый безрадостный путь.
 О, не надо ненужныхъ ласкающихъ
 словъ!
 О, не надо мечты: „Отдохнуть!“
 Намъ немного, но мы все идемъ,
 все идемъ
 Къ неизвѣданной дали людскою
 мечтой.

О, мы вѣримъ, мы вѣримъ, что сча-
 стье найдемъ,
 Породнимся съ иной красотой!
 Старыхъ дѣлъ, старыхъ словъ чело-
 вѣка-раба
 Звучно вслѣдъ раздается намъ смѣхъ.
 Путь суровъ, безпримѣрна въ ли-
 шеньяхъ борьба.
 Даль зоветъ обѣщаньемъ утѣхъ.

Еф. Бахаревъ.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ этомъ отдѣлѣ редація «Сцена и Жизнь» будетъ давать отзывы о всѣхъ поступающихъ въ редакцію новыхъ книгахъ и просить книгоиздательства и авторовъ не отказать въ присылкѣ выходящихъ изданій какъ въ столицахъ, такъ и внѣ ихъ.

Григорій Новицкій «Зажженные бездны». Стихи 1908 г. СПб. Цѣна 1 р. Поэтовъ на российскомъ Парнасѣ столько же, сколько боговъ на Олимпѣ. Стихи Григорія Новицкаго раздѣляются на 6 отдѣловъ: зажженные бездны; разноцвѣтная стекла; женщина; поэтъ; тубероза и мѣсяцеворотъ. Читатель уже понялъ, что онъ имѣетъ дѣло съ однимъ изъ слѣпыхъ подражателей лидерамъ новаго искусства, новой красоты и новыхъ словъ, хотя бы эти слова расходились со здравымъ смысломъ. Почему книжка стиховъ названа „Зажженными безднами“,—я утверждаю—не объяснить и самъ авторъ. Стихи, какъ стихи: безсвязный бредъ, отороченный поэтическими расшивами. Есть рифмованная, просто безъ рифмы, съ рифмой—тавтологией, съ повтореніями первой строки съ 3-ей, 2-ой съ 4-ой. Пять съ плюсомъ можно поставить за размѣръ, строго выдержанный безукоризненный, почти безъ поэтическихъ вольностей.

Образцы: Изъ „разноцвѣтныхъ стеколъ“.

На простыняхъ и одѣялѣ.

Мутнѣетъ алое пятно...

Всю ночь безжалостно ласкали

И пили терпкое вино.

Въ „зажженныхъ безднахъ“.

И блуждая убаюканъ звѣздной грезой я.
 Звѣзды-очи. О, священный, царственный
 развратъ.

Ахъ, блаженство... Умираю, умираю я...
 Прославляя... Ахъ, блаженство... цар-
 ственный развратъ.

Женщина.

Ты создана возбуждать и утолять похоть
 мужчины...

Но...

Не хочется продолжать, потому что:
 Съ тобой я холодѣю отъ безстыдныхъ
 мукъ.

Поэтъ:

Я творю лишь легенды развратныя.

Въ этомъ столько отрады.

Спасибо за откровенность.

А, вотъ, и тубероза:

Я хочу, чтобъ звѣзды встали зеленѣя
 предъ тобой...

Чтобъ въ кровавыхъ вспышкахъ Неба
 взвился огненный развратъ.

Я, истерзанный, склоняюсь, тубероза,
 предъ тобой.

Обезумѣвшій, зову я только огненный
 развратъ.

Зовите и да приидетъ!..

Шедевръ изъ „Мѣсяцеворота“. Ноябрь.
 Снѣгъ.

Въ атмосферѣ насыщенной водяными
 парами.

При охлажденіи выдѣляются ледяные
 кристаллы...

Которые, принявъ обыкновенную форму
 снѣга,

Летятъ къ холодной земной поверхности.
 Опадая красивыми шестилучевыми звѣз-
 дами,

Серебрясь и блѣднѣе воглѣ, какъ опалы,
 Кружась и сливаясь въ пушистые листья
 съ разбѣга.

Въ стремленьи какъ можно скорѣе притти
 въ состоянье инертности...

Во истину, долготерпѣливъ и многоми-
 лостивъ ты, другъ-читатель!..

А бумага все терпитъ... О, милые юноши.

МАЛЕНЬКІЕ ДІАЛОГИ.

1.
 — Вы катаетесь на автомобилѣ?
 — Нѣтъ, я не катаюсь, а вотъ по моему дядѣ
 уже прокатился трамвай.

2.
 — Саса! Ты читаешь Пить-Кельтона?
 — Какже! А то изъ русскаго провалишься.

3.
 — Софи, твой мужъ литераторъ?
 — Да, онъ при мнѣ отвѣтственный редакторъ
 при неизвѣстныхъ сотрудникахъ.

4.
 — Вы состоите членомъ „Лиги свободной
 любви“?
 — Да. Я уже ознакомился съ вопросомъ: „Люисъ
 и его послѣдствія“.

5.
 — Встрѣчаетесь ли вы съ Пуришкевичемъ?
 — Да, ежедневно... Но... только въ циркѣ.

6.
 — Кажется, вы очень любите дѣтей?
 — Нѣтъ, мальчиковъ.

7.
 — Говорятъ, по распоряженію генерала Дум-
 базе, изъ Ялты высланы... всѣ пѣтухи.

8.
 — Да что вы?! Почему?
 — Да, вѣдь гребни то у нихъ **красные**...

8.
 — Правда-ли, что на трамваяхъ введены новыя
 предохранительныя сѣтки?
 — Да, для подбирания рукъ, ногъ, череповъ пас-
 сажировъ, „по своей неосторожности“ попавшихъ
 подъ трамвай...

9.
 — Мужчина или женщина Глаголинъ?
 — Нѣтъ, онъ **дѣва**... Орлеанская...

10.
 — Вы ѣдете на дачу?
 — Нѣтъ, тяжелыя условія: теща въ придачу!

Старикъ.

Одесса. Въ городскомъ театрѣ закончились спектакли гастролеровъ у насъ польской труппы, подъ управленіемъ К. Каминскаго. Трудно объяснить, почему въ матеріальномъ отношеніи гастроли были не такъ удачны, какъ слѣдовало ожидать отъ такого театральнаго города, какимъ считается Одесса. Только подъ конецъ, такъ сказать, «на исходѣ Израилевомъ» сборы поднялись до нормальнаго уровня, а прощальный спектакль 28 апрѣля принесъ почти полный сборъ. Предпослѣдній спектакль, когда шла пьеса Зудермана «Вой бабочекъ», еще лишній разъ подчеркнул недюжинныя артистическія силы премьера Каминскаго. Эпизодическая и даже на первый взглядъ блѣдная роль Кесслера дала между тѣмъ ея исполнителю тотъ матеріалъ, изъ котораго Каминскій сумѣлъ взять все характерное, чтобы создать интересную типичную личность. Что значить талантъ!.. Для послѣдняго спектакля поставлена была пьеса Бріе «Красная мантия», гдѣ опять Каминскій блеснулъ своимъ эффектнымъ исполненіемъ роли Музони, за что удостоился получить отъ публики вѣнокъ и массу цвѣточныхъ корзинокъ. Интересными партнерами въ труппѣ были г-жи Мрозинская, Любичъ, Лесневская и др. и гг. Лесневскій, Трживдаръ.

На смѣну польской труппы ѣдетъ А. И. Южинъ. Уже объявленъ спектакль въ городскомъ театрѣ на 5 мая. Одесситы запасаются билетами, запись которыхъ идетъ превосходно.

Одесситъ.

Харьковъ. Мейерхольдовщина съ его символическимъ театромъ схлынула съ нашихъ водъ и нельзя сказать, чтобы В. Э. Мейерхольдъ оставилъ по насъ пріятное воспоминаніе, какъ, впрочемъ, и мы о немъ, что за взаимностью уничтожаетъ всякія разсужденія о его артистическихъ набѣгахъ. Провинція жива театромъ реализма и правды. Вотъ почему такъ шумно и радостно привѣтствовали мы гастроли М. Г. Савиной, начавшіяся сразу послѣ отъѣзда В. Э. Мейерхольда. Подводя итоги ея немногочисленныхъ спектаклей, окончившихся 1 мая пьесой Островскаго «На бойкомъ мѣстѣ», останавливаешься съ чувствомъ удовлетворенія даже на такихъ пустыхъ пьесахъ, какъ «Невѣрная» З. Бракко и «Пациентка» А. Федорова и др., благодаря мастерской игрѣ М. Г. Савиной, Л. Н. Шуваловой, Долинова и Аполлонскаго. Нечего и говорить, что все вниманіе театральной публики сосредоточено было исключительно на Марьѣ Гавриловнѣ, которую всегда такъ шумно, какъ родную, встрѣчали и провожали со сцены. И туманъ, принесенный В. Э. Мейерхольдомъ, исчезъ въ ясной правдѣ талантливыхъ гастролеровъ, — чтущихъ прекрасные завѣты творца бытовой драмы А. Н. Островскаго.

Театраль.

Харьковъ. Гастроли А. И. Южина. Для первой гастролі г. Южина была поставлена пьеса Колышко «Дѣльцы».

Какъ сценическое произведеніе, пьеса г. Колышко во многихъ отношеніяхъ слаба.

Въ ней очень невыгодно выдѣляются длинноты и неясность идеи. Есть въ пьесѣ типы, набросанные настолько эскизно что только благодаря прекрасному исполненію ролей можно составить себѣ болѣе или менѣе опредѣленное представленіе объ этихъ типахъ. Задача исполнителей при такихъ условіяхъ весьма серьезна. И надо отдать справедливость, всѣ исполнители въ данномъ спектаклѣ съ честью разрѣшили эту задачу.

Особенно хорошъ былъ г. Южинъ въ роли Бѣльскаго. Артисту удалось создать яркій типъ грубаго матеріалиста, дѣльца. Недурно провела роль владѣлицы Грудника г-жа Матвѣева.

Остальные исполнители поддерживали ансамбль. Исполненіе (не пьеса) вызвала дружные вполнѣ заслуженные аплодисменты публики.

Изъ слѣдующихъ гастролей г. Южина отмѣтимъ его комедію «Неводъ».

Эта пьеса сама по себѣ весьма сценична и прекрасно написана. Выведенные въ ней типы бюрократа и благотворители удачны и хорошо обрисованы. Самъ авторъ выступилъ въ роли Свѣтинцева и далъ вѣрный типъ петербургскаго чиновника.

Успѣхъ комедія имѣла громадный. 26 апрѣля г. Южинъ выступилъ въ спектаклѣ въ пользу студентовъ.

Для своего бенефиса (послѣдняга гастроль) А. И. Южинъ избралъ пьесу Островскаго, «Бѣшенныя деньги» и провель роль Телятева неподобно.

Вообще гастроли г. Южина прошли въ бойкомъ и высшей степени дружномъ темпѣ. Что же касается самого А. И., то невозможно указать какой-либо минусъ въ игрѣ этого артиста.

Гастроли Айседоры Дунканъ прошли съ успѣхомъ. Въ газетахъ появились отзывы, что еще можно жить на свѣтѣ, разъ существуетъ Дунканъ.

Съ 1-го мая въ саду коммерческаго клуба будетъ играть симфоническій оркестръ подъ управленіемъ Ф. В. Кучера. Солистами приглашены свободные художники: Дорэ, Бирманъ и Бейлезонъ, Грюнбергъ, Могилевскій, Родинъ, Бунчукъ, Каминскій, Шимунекъ, Рязанцевъ, Ломбарди, Ниманъ.

По четвергамъ будутъ устраиваться историческіе симфоническіе концерты, по воскреснымъ днямъ — гулянья, а въ антрактахъ ежедневно будетъ демонстрироваться синемаграфъ.

Рейнгольдъ.

Воронежъ. Театръ нашего Народнаго дома на зимній сезонъ снятъ союзомъ сценическихъ дѣятелей. Спектакли начнутся съ 20 сентября. Въ теченіи сезона будутъ играть драматическая, малорусская и оперная труппы. Въ недѣлю будетъ ставиться 4 спектакля союзомъ; въ условіе поставлено народному дому въ свободное время въ теченіи сезона театрѣ не сдавать для любителей спектаклей и кружкамъ любителей драм. искусства, за исключеніемъ оперъ и концертовъ. Съ 27 апрѣля въ зимнемъ город. театрѣ начались спектакли Т-ва русско-малоруск. артистовъ подъ управ. Л. Сабинина. Для открытія была поставлена пьеса «Крадене щастя», прошедшае съ большимъ успѣхомъ. Въ составъ этой труппы, между прочимъ, вошли г-жи Алексѣенко, Гуренко, Ольгина, Откаренко, гг. Сабининъ, Воиновъ, Левченко, Замичковскій и др. Труппа эта дастъ не болѣе 10 спектаклей; у насъ организованъ кружокъ любителей малорусскаго драматическаго искусства.

Открытіе лѣтняго город. театра состоится 4 мая. Въ продолженіе мая мѣсяца будетъ играть опереточная труппа г. Ливскаго. Кромѣ Баратовой, Онѣгина и Воронова, приглашены г-жа Понская, гг. Глуминъ, Мираевъ и Долинъ.

Послѣ оперетки тамъ будетъ играть драм. труппа Крамова. **В. Н. Род—хъ.**

Псковъ. 27-го апрѣля шель «Царь Θεодоръ Иоанновичъ» — гр. А. К. Толстого.

Извѣстная пьеса привлекла много публики, — театрѣ былъ переполненъ.

Говоря о постановкѣ этой обстановочно сложной пьесы, нельзя не выразить крайняго удивленія по поводу той чрезмѣрной халатности, съ какой отнеслось къ этой серьезной пьесѣ наше товарищество, во главѣ котораго стоятъ столичные артисты. Режиссировалъ пьесой артистъ Литературно-Художественнаго театра М. Г. Діевскій, — слѣдовательно на него и падаетъ главнымъ образомъ вина.

Неужели г. Діевскому и его сотоварищамъ не были извѣстны слова самого гр. А. К. Толстого, которыя необходимо знать и твердо помнить всѣмъ, кто желаетъ ставить эту пьесу. «Если трагедія — Царь Θεодоръ — будетъ дана, то прежде всего надобно ее выучить наизусть».

Это воля автора, и она должна быть свято соблюдена.

Большинство изъ нашихъ артистовъ на эту волю автора не обратило ровно никакого вниманія, — роли ими были разучены крайне плохо, передавались невнятно и даже иногда искажался стихотворный размѣръ.

Великій, непростительный грѣхъ!

Царя Θεодора игралъ г. Діевскій. И его черезчуръ нельзя похвалить, хотя игралъ онъ безспорно лучше другихъ.

Въ его игрѣ мѣстами ужъ слишкомъ

прорывался чистый комический элемент, вызывающий у публики равнодушный смех. Подобного смеха не должно быть. Вызвать „смех сквозь слезы“ — вот вся тонкость, вся истинность игры этой роли. „Трагический элемент и оттенок комизма, как пишет гр. А. К. Толстой о характере Царя Θεодора, — „переливается (в нем) одинъ въ другой, как радужные цвѣта на раковинѣ. Съ этимъ комизмомъ сценической художникъ долженъ обращаться чрезвычайно осторожно и никакъ не доводить его до яркости“. Вотъ это-то „переливаніе“ — Діевскому не удавалось.

Невольно вспоминается игра Орленева, его каждый строго обдуманый жестъ, каждое детально отдѣланное движеніе.

Ивана и Василя Шуйскаго весьма характерно играли Бастуновъ и Яковлевъ; въ роли Бориса Годунова выступилъ Шмитгофъ.

Женский персоналъ былъ неваженъ. Декораціи и вообще вся обстановка были позорительно жалки.

Всѣ эти отрицательныя стороны, взятая вмѣстѣ, дѣлали пьесу непривлекательной и мало художественной.

Впечатлѣніе тяжелое, больное...

Изъ другихъ пьесъ, идущихъ слѣдомъ за „Θеодоромъ Іоановичемъ“, упомяну вкратцѣ о „Педагогахъ“ и „Ревизорѣ“.

Пьеса „Педагоги“ или — какъ было помѣчено въ афишахъ — „Въ борьбѣ съ рутинною“ прошла очень скучно. Хорошъ былъ только одинъ Яковлевъ, весьма недурно сыгравшій роль Преля.

„Ревизоръ“ былъ интереснѣе. Хлестакова игралъ г. Діевскій, какъ подобаешь бывалому артисту, съ должнымъ стараніемъ и умѣніемъ. Недуренъ былъ и Яковлевъ (городничій). Въ упрекъ ему можно поставить только первое дѣйствіе, гдѣ онъ былъ почему-то вялъ и черезчуръ спокоенъ. „Проклятое инкогнито“ ничуть его не волновало. Въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ онъ разыгрался.

А. 3.

Брестъ-Литовскъ. Уже болѣе недѣли гастролируетъ у насъ еврейская труппа подъ управленіемъ г. Чернаго при участіи извѣстнаго артиста Юліуса Адлера съ супругой. Поставлены были слѣдующія пьесы: «Еврейскій Гамлетъ». «Ди шхите». «Ди цурисме кейтен». «Крейцеръ Сонато», 2 раза. «Дерталмудъ хохомъ», 2 раза. «Ди цуброхене герцеръ». Вчера, въ бенефисъ артиста Бульмана, поставлена была пьеса Гордина: «Готъ, меншъ ундъ тайфель». Очень удаченъ былъ въ роли «Лейзера батхона» г. Бульманъ.

Безподобенъ былъ въ роли «Гершеле» г-нъ Адлеръ. Особенно его можно похвалить за серьезность и вдумчивость игры. Его безспорно можно назвать даровитымъ артистомъ.

Талантливая, чуткая, много работающая надъ собой г-жа Адлеръ, была въ роли «Песеле» не совсѣмъ удачна.

Остальные играли сносно. Въ общемъ спектакль прошелъ съ большимъ успѣхомъ.

Бенефицианта голго вызывали. Театръ былъ переполненъ. Гастроли заканчиваются 1-го мая. Отсюда труппа ѣдетъ въ г. Минскъ.

Въ лѣтнемъ театрѣ городского сада г. Шаповалова со 2-го мая съ открытіемъ лѣтняго сезона начинаются спектакли труппы „Фарсъ-драма—оперетка“ подъ антрепризой М. Фебера.

О. Г—й.

Брестъ-Литовскъ. Лѣтній театръ. Вчера у насъ закончились гастроли Юліуса Адлеръ бенефисомъ Эмили Адлеръ, съ пьесой „Сафо“. Наиболѣе яркое, наиболѣе сильное впечатлѣніе изъ всей труппы оставилъ даровитый г. Адлеръ. Артистъ молодой, онъ обладаетъ рѣдкой силой и способностью захватывать зрителей. Такова-же г-жа Адлеръ. Главная задача ихъ въ томъ, что они вѣрны природѣ. Изображать только дѣйствительную жизнь еврейскаго народа, вотъ чего добиваются супруги Адлеры.

Пьеса была обставлена тщательно, не забыта ни одна деталь. Изъ другихъ исполнителей отмѣтимъ: гг. Бульма, Перельмана и г-жу Вайсгофъ. Спектакль кончился долгими аплодисментами. Любителями драматическаго искусства были преподнесены супругамъ Адлеръ отъ имени брестской публики два адреса. Вся сцена была въ цвѣтахъ. Публика въ восторгѣ. **Галлай.**

Екатеринославъ. Почему А. И. Южинъ выбралъ для первой своей гастроли безталанно-ходульную пьесу Колышко „Дѣльцы“, — трудно сказать. Можетъ быть, какъ новинку? Но извѣстному артисту, съ именемъ прибѣгать къ этого рода приѣмамъ врядъ-ли была нужда, потому что публика уже заранѣе была подготовлена къ приѣзду пріятныхъ гостей, ждала ихъ, волновалась, загодя брала билеты по записямъ. Можетъ быть, роль Бѣльскаго эффектна для А. И. Южина? Кажется, и этого нельзя сказать: такихъ шаблонныхъ ролей сколько угодно среди стараго репертуара, но болѣе сильныхъ, гдѣ есть разгуляться силамъ таланта.

Такъ или иначе, а все-таки приходится сознаться, что спектакль былъ удаченъ въ смыслѣ ансамбля и той сыгранности, которая рѣдко является достоинствомъ лѣтнихъ гастролей.

Въ труппѣ, помимо А. И. Южина, имѣются крупныя художественныя силы, въ лицѣ Левшиной и Падарина.

Успѣхъ дальнѣйшихъ спектаклей обеспеченъ ими въ Екатеринославѣ. **Скромный.**

Самара. 4-го апрѣля закончился у насъ великопостный сезонъ, который былъ въ этомъ году особенно богатъ развлечениями.

Въ городскомъ театрѣ играла оперетка подъ управленіемъ г. Кошевскаго, въ циркѣ-театрѣ подвизалась другая опереточная труппа г. Щепилло. Кромѣ того, состоялись концерты Фигнера и Ренэ-Радиной, Перелли, баритона московской Императорской оперы г. Бернарди, Вари Паниной. Всѣ эти концерты прошли съ большимъ матеріальнымъ успѣхомъ. Труппа г. Кошевскаго также дѣлала хорошіе сборы, благодаря своему прекрасному составу и интересному репертуару,

состоявшему изъ новинокъ, имѣвшихъ успѣхъ на столичныхъ сценахъ. Репертуаръ состоялъ изъ слѣдующихъ оперетокъ: Максимисты, Ночь любви, Торреадоръ, Въ вихрѣ вальса, Театральныя сирены, Амуръ и Комп., Пѣвчика Бобинэтъ, Жизнь человѣка и др.

Всего дано было 25 спектаклей, валоваго сбора взято 13,750, что составляетъ на кругъ по 550 р. на спектакль.

Изъ артистовъ пользовались успѣхомъ г-жи: Раисова, Бауэръ, Марченко, Лучезарская, Варламова и Смирнова, гг. Кошевскій, Мироевъ-Гальбиновъ, Баратовъ, Любовь, Свирскій и Шашинъ. Оркестромъ управлялъ опытный маэстро г. Тонни.

Жалованье уплочено сполна всей труппѣ.

Труппа г. Щепилло успѣхомъ не пользовалась, составъ былъ очень слабый, гастроли г-жи Смолиной и г. Кубанскаго не помогли — сборы были весьма слабыя. Труппа осталась играть до 1-го мая, причемъ состоятся гастроли Блюменталь-Тамарина и Никитиной.

Театръ „Буффъ“ въ Москвѣ на будущій зимній сезонъ снятъ г. Блюменталь-Тамаринымъ.

Формируется оперетка.

Г. Могилевъ-Губернскій. Игравшая у насъ труппа малорусскихъ артистовъ, подъ управл. г. Сагайдачнаго, — не пользовалась успѣхомъ у публики, благодаря плохому составу; ни сколько нибудь выдающихся артистовъ, ни голосовъ, ни хора, ни танцоровъ — ничего того, къ чему приучили насъ г-да Сусловъ и Левицкій — въ данномъ случаѣ не было. И труппа несла убытки. 28 апрѣля она уѣхала. Гастроли В. Н. Давыдова состоялись 2 и 3 мая. Шли пьесы: „Свадьба Кречинскаго“ и „Король“. Сборы полные. Труппа въ общемъ не сильная. Въ „Свадьбѣ Кречинскаго“, кромѣ В. Н. Давыдова, прекрасна была г-жа Шаровьева. Изъ Могилева труппа выѣхала въ Витебскъ. **Азь.**

Воронежъ. Въ зимнемъ городскомъ театрѣ начались гастрольные спектакли русско-малороссійской труппы, подъ управленіемъ извѣстнаго артиста и малорусскаго драматурга Льва Сабинина. Составъ труппы весьма удаченъ и блещетъ именами извѣстныхъ малорусскихъ артистовъ.

Въ лѣтнемъ городскомъ театрѣ съ 4 мая будетъ играть опереточная труппа М. П. Ливскаго, игравшая уже въ Воронежѣ въ теченіе минувшаго великопостнаго сезона и завоевавшая прочныя симпатіи мѣстной публики. Приглашенъ на гастроли изъ Петербурга г. Глуминъ. Ожидаются гастроли Раисовой и Бауэръ, съ которыми дирекціей труппы ведутся въ настоящее время переговоры. **Старожиль.**

Двинскъ. 27, 28 и 29 апрѣля состоялись три гастрольныхъ спектакля бр. Адельгеймъ. Представлены были „Кручина“, „Казнь“ и „Кинь“. Кромѣ огромнаго заслуженнаго успѣха, выпавшаго на долю Ро-

берта и Рафаэля Адельгеймъ, слѣдуетъ отмѣтить г-жъ Черновскую, исполнивш. отличную роль Марьи Ильинишны, Дурново (пров. роль старой дѣвы Таисы Ефимовны) и Раевскую (пер. роль студ.) и гг.: Чернова, Авдулова. Сборы были полные. 4-го мая состоялось открытіе лѣтняго сезона въ Николаевскомъ паркѣ. Труппа приглашена изъ Риги, игравшая тамъ въ зимній сезонъ во второмъ общественномъ собраніи. Режиссеръ труппы А. В. Базилевскій. Репетуаръ пока не составленъ еще окончательно. Сезонъ открылся пьесой „Весенній мѣсяць май“ и „Голодный Донъ-Жуанъ“. Изъ исполнителей отмѣтимъ гг. Базилевскаго, Боярова и Кельнера.

Съ 7 мая въ Риге-Орловскомъ желѣзнодорожномъ театрѣ начинаются гастрольные спектакли товарищества русскихъ оперныхъ артистовъ подъ управленіемъ А. С. Костянина. Составъ труппы; женскій персоналъ: сопрано: О. И. Асланова, Д. М. Златова, Т. П. Ольгина, С. Ф. Покосовская и др.; меццо-сопрано: П. Н. Текутская, М. И. Сондуця, колор. сопрано: Г. Невѣрова, С. Ф. Феодорова; мужской персоналъ; тенора: А. С. Костянинъ, Н. П. Баратовъ, М. П. Березинъ, баритоны: П. Н. Свѣтловъ, И. П. Горлано, С. А. Корсаковъ; басъ: Н. А. Семеновъ, В. И. Гагаенко и А. П. Комчатовъ. Хоръ состоитъ изъ 25 человекъ, а оркестръ изъ 22 человекъ. Режиссеры В. П. Семеновъ, М. П. Муравскій; капельмейстеры С. М. Суходревъ и В. А. Каршонъ. Для перваго спектакля идетъ опера Чайковскаго „Евгеній Онѣгинъ“. Въ непродолжительномъ времени къ намъ пріѣзжаетъ нѣмецко-еврейская труппа Ю. Адлера изъ Америки. Труппа повсюду пользуется большимъ успѣхомъ. **Ис. Цей-ель.**

Рига. Въ циркѣ бр. Труцци закончился чемпионатъ французской борьбы. Уже съ самаго начала чемпионата было замѣтно, что дѣло ведется не на чистую. Въ программахъ значилось, что борьба поставлена Брюссельскимъ обществомъ „Уніонъ“, подъ наблюденіемъ проф. г. Карла Белламонте, но вскорѣ публика убѣдилась, что г. Белламонте остался въ Брюсселѣ, а настоящимъ антрепенеромъ являлся борець Рисбахеръ. Изъ хорошихъ борцовъ принимали участіе Евстифѣевъ, Эгебергъ (Данія), Спирида (Греція), Поплавскій (Варшава) и Бадеръ (Германія). Антрепенеръ Рисбахеръ обѣщаетъ въ будущемъ быть далеко незауряднымъ борцомъ, но пока у него еще нѣтъ ни выдержки, ни достаточной техники. На этотъ разъ г. Рисбахеръ, по вышеприведеннымъ причинамъ, являлся всегда побѣдителемъ даже съ такими серьезными противниками, какими являются г. Эгебергъ и Евстифѣевъ. Публика не разъ выражала свое негодованіе по адресу жюри, состоявшаго почти сплошь изъ безусыхъ исключенныхъ реалистовъ, но всѣ заявленія оставались безъ вниманія. При раздачѣ призовъ разыгрался фор-

менный скандалъ: г. Рисбахера, которому присудили первый призъ, публика встрѣтила свистками и криками и нужно было имѣть значительную долю смѣлости, чтобы принять награду подъ единодушный протестъ присутствующихъ. 2-ой призъ получилъ Евстифѣевъ, 3-й—г. Бадеръ, 4-й—г. Эгебергъ.

Послѣдній борець, несомнѣнно, одинъ изъ лучшихъ, принимавшихъ участіе въ рижскомъ чемпионатѣ. Онъ нашелъ такое распределеніе наградъ неправильнымъ и отказался отъ приза. Г. Поплавскій также заявилъ, что награды присуждены неправильно и вызвалъ всѣхъ, получившихъ награды, на безсрочную борьбу, но въ назначенный день ни г. Рисбахеръ, ни г. Бадеръ не явились. Отсюда „антреприза“ переѣзжаетъ въ Вильну и, должно быть, и тамъ будетъ эксплуатировать довѣріе публики.

Жаль, что С.-Петербургское атлетическое общество не слѣдитъ за подобными чемпионатами, дискредитирующими атлетическій спортъ въ глазахъ публики. **С. С.**

Проскуровъ. Драматическая труппа Г. П. Ростова открыла сезонъ 14-го апрѣля постановкой драмы „Казнь“. Затѣмъ прошли слѣдующія пьесы: „Хаосъ“, „7-ая заповѣдь“ (Основы брака), „Воръ“ и этюдъ „Страничка романа“, „Плоды Просвѣщенія“, „Эросъ и Психея“ (2 раза), „Wicek i Wasek“ (оболтусы вѣтрогоны), „Марья Ивановна“, „Казнь“ (2-ой разъ) и „Король“—Юшкевича.

Силы труппы уже вполнѣ выяснились. Наибольшимъ успѣхомъ и симпатіями публики пользуются: гг. Шумиловъ, Ростовъ, Нальскій, г-жи Картышева и Побѣдова.

Изъ нихъ Шумиловъ по справедливости сталъ любимцемъ публики. Это артистъ въ полномъ смыслѣ этого слова, въ немъ чувствуется мощь колоссальнаго таланта, чувствуется жизнь и своей игрой онъ производитъ на публику глубокое впечатлѣніе. Г-нъ Ростовъ—крупная сила въ труппѣ, всѣ исполняемая имъ роли онъ проводитъ съ душой и чувствомъ. Особенно виртуозно и художественно талантливый артистъ сыгралъ въ „Казни“ (роль Годды) и въ „Хаосѣ“ (роль Андрика). Г-нъ Нальскій, играя самую разнообразную роли, обнаруживаетъ недюжинныя способности и интеллигентность. Особенно удачно онъ провелъ роль Глушарина въ „Казни“.

Г-жи Картышева (героиня) и Побѣдова (комическая старуха) очень милы въ своихъ роляхъ. Послѣдняя неподобно сыграла роль квартирной хозяйки Энгель въ „7-ой заповѣди“. Очень хороши были въ нѣкоторыхъ роляхъ: г-жи Хвалынская, Холмская и гг. Тихановъ, Соколовъ, Вельскій и Броневскій.

Всѣ остальные артисты поддерживаютъ ансамбль.

Постановка пьесъ (режиссеры Ростовъ, Шумиловъ и Броневскій) не оставляетъ желать ничего лучшаго. Съ декоративной стороны, благодаря художнику-декоратору Маркевичу, пьесы обставляются весьма удачно.

Въ матеріальномъ отношеніи дѣла труппы неважны: наша публика въ настоящее время увлекается въ „Иллюзіонъ-театрѣ“, гдѣ по вечерамъ показываются картины „исключительно для взрослыхъ“. Какъ видно удовольствіе это болѣе отвѣчаетъ ея эстетическимъ потребностямъ.

Е. Креймеръ.

Уральскъ. Послѣ пасхи у насъ дебютируетъ малороссійская труппа Ванченко, составленная очень умѣло съ хорошимъ подборомъ голосовъ, какъ у солистовъ, такъ и у хора, благодаря чему пользуется большими симпатіями у публики. Нагляднымъ показателемъ этого заслуженнаго успѣха былъ первый спектакль, на которомъ поставлены были «Наталка Полтавка», «Вечерницы». Публика, переполнившая театръ, безконечно требовала повторенія сольныхъ и хоровыхъ номеровъ пѣнія и національных танцевъ, въ которыхъ такъ много жизни, удали и веселья. **Старожиль.**

Ростовъ-на-Дону. Нѣсколько словъ о гастрольяхъ знаменитой босоножки Айседоры Дунканъ. Какъ намъ передавалъ ея импресарио Генрихъ Целлеръ, каждый спектакль обходится ему болѣе 2½ т. руб. Конечно, тутъ есть небольшое преувеличеніе. Но все таки тотъ фактъ, что Айседора Дунканъ получаетъ по 500 руб. за вечеръ, говоритъ уже о большихъ затратахъ ея импресарио. Врядъ ли ростовцы сумѣютъ содержать эту иностранную знаменитость, хотя, впрочемъ, интересъ среди публики возрастаетъ прогрессивно. Первая гастроль состоится въ началѣ мая. Маршрутъ изъ Ростова—Тифлисъ и Баку, послѣ чего Айседора Дунканъ возвратится къ своимъ пенатамъ въ Берлинъ,—въ школу, гдѣ она оставила до 20 дѣвочекъ, обучающихся ея выгодному ремеслу. **Казань.**

— Въ Лубнахъ и Ромнахъ—будетъ оперетка Шварца. Въ составъ вошли: Стефани-Вергина, Райчева, Анатольская, Борченко, Свирскій, Шварць-Черновъ, Гнѣдичъ, Шашиновъ и др.

— Въ Севастополѣ, Ялтѣ, Симферополѣ и Евпаторіи будетъ лѣтомъ играть оперетка, подъ дирекціей г. Ливскаго.

Въ составъ вошли: Вергика, Калмыкова, Борская и др., Глуминъ, Шелиховъ, Чабанъ и Терскій.

— Опереточными артистами Владиміровымъ и Рафальскимъ составлено на лѣто товарищество, которое будетъ играть весь лѣтній сезонъ въ Харьковѣ, въ саду „Тиволи“ Въ составъ входятъ: Троцкая, Манира, Торчилетти, Вадимова и др., Владиміровъ, Рафальскій, Огаревъ, Ленскій, Глѣбовъ (главный режиссеръ).

Редакторъ-Издатель В. Г. БЛОХИНЪ.